

Дженни КОЛГАН

Яркая, беззаботная, романтическая комедия, готовая превратиться в сценарий для фильма.

Kirkus Reviews

Лето в маленькой пекарне

Забавно, волшебно
и трогательно!

Time Out

Маленькая пекарня у моря

Дженни Колган

Лето в маленькой пекарне

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Колган Д. Т.

Лето в маленькой пекарне / Д. Т. Колган — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Маленькая пекарня у моря)

ISBN 978-5-389-21577-1

Как можно жить на краю, нет, за краем земли – на приливном островке, продуваемом всеми ветрами? Вдали от больших городов и привычных развлечений? Но такие робинзоны находятся – они приезжают сюда, навсегда влюбляются в Корнуолл и остаются, чтобы жить, работать и быть счастливыми. Одна из них – Полли Уотерфорд, быть может не избалованная везением, однако не зарывшая в землю свой талант: она умеет печь изумительно вкусный хлеб. У нее есть любимая работа, любимый человек и любимый домашний питомец (вообще-то, это морская птица), и все трое живут на маяке (другого жилья на острове не нашлось). Но как это часто бывает, идиллия не длится долго – в маленькой пекарне, где работает Полли, меняется владелец, и ей указывают на дверь. Ведь она совершенно не умеет экономить на качестве продуктов! Обитатели маяка переживают трудные времена и придумывают план спасения. Но чтобы его осуществить, придется расстаться – возможно, надолго. И вот, когда им наконец удастся шаг за шагом приблизиться к цели, наступает очень славный, удачный, погожий день, не предвещающий ничего плохого... Продолжение «Маленькой пекарни у моря». Плюс потрясающие рецепты от автора! Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21577-1

© Колган Д. Т., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

От автора	7
Немного о месте действия	8
Пролог	9
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	45
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дженни Колган

Лето в маленькой пекарне

Jenny Colgan

SUMMER AT LITTLE BEACH STREET BAKERY

Copyright © 2015 by Jenny Colgan

© Т. В. Голубева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

*Посвящается моей дорогой тете Мауре и дяде Майку.
Пожалуйста, отмените последний заказ прямо сейчас. Спасибо*

От автора

Привет! И добро пожаловать в «Маленькую пекарню на Бич-стрит»... а если вы уже бывали здесь, то я рада видеть вас снова! Впрочем, при первом посещении вам будут рады не меньше, и я надеюсь, что аппетит вы нагуляли. Позвольте вкратце рассказать кое о чем, прежде чем вы начнете чтение. (Поклонники Нила, не беспокойтесь: он вернется.)

В общем, Полли потеряла свой бизнес в Плимуте, и ей пришлось начинать все сначала. Она перебралась в корнуолльский приморский городок, где дорогу дважды в день затопляет прилив. Найти работу не удалось, поэтому она занялась любимым делом – стала печь хлеб – и вскоре навлекла на себя гнев миссис Мэнс, которая управляла городской пекарней (и это было очень плохо).

Но так или иначе, Полли отвоевала себе место под солнцем – и работа закипела. В те же дни у моей героини случился недолгий роман с одним из рыбаков, Тарни, а потом, к своему ужасу, она узнала, что он женат. Позднее Тарни погиб во время сильного шторма, и все долго не могли прийти в себя после этой катастрофы.

Но наконец Полли влюбилась в Хакла – большого американца. А еще она волей-неволей усыновила морскую птицу тупика и, скорее всего не подумав хорошенько, решила купить маяк.

Ладно, наверное, этого достаточно! Очень надеюсь, что вам понравится «Лето в маленькой пекарне», ведь я с такой любовью писала эту книгу!

Немножко о месте действия

Корнуолл для меня – настолько же воображаемое, насколько и реальное место, где живет множество людей. В детстве я провела там немало времени. В моем представлении Корнуолл подобен Нарнии или любой другой выдуманной стране, в которую мне нравится возвращаться, – я была буквально одержима романом «Над морем, под камнем» и, конечно, «Великолепной пятеркой» и «Мэлори тауэрс»¹.

Мы обычно останавливались в старых коттеджах оловянного рудника рядом с Полперро. Моя мать была большой поклонницей Дафны Дюморье и вечерами, уложив меня и двоих моих маленьких братьев в узкие кровати, рассказывала нам леденящие истории о кораблекрушениях и пиратах, о золоте и грабителях. Мы ужасно волновались и пугались, а брат – конечно, самый младший (хотя он бы точно стал возражать, заявляя, что это была я) – порой вскакивал посреди ночи, оттого что ему снился страшный сон.

В сравнении с холодной Шотландией солнечный Корнуолл казался мне просто раем. Каждый год нам покупали большие легкие доски для серфинга, и мы катались, катались, катались, пока не падали на пляже, выбившись из сил, и обгорали на солнце, а потом, развернув сэндвичи, заботливо завернутые мамой в пленку для пищевых продуктов, вгрызались в них так, что песок хрустел на зубах...

Позже папа жарил рыбу на маленьком самодельном гриле, который сооружал каждый год из кирпичей и какой-нибудь решетки, а я обычно сидела в высокой душистой траве и читала книги, забывая отмахиваться от кусачих насекомых.

А после того (поскольку во время каникул привыкаешь ложиться очень поздно) мы ехали в Маузел или Сент-Айвс и лакомились там мороженым, прогуливаясь вдоль залива, или заходили в галерею полюбоваться картинами. Иногда мы ели горячую и соленую жареную картошку, а то и сливочные помадки – их вкус постоянно преследует меня, хотя от них меня неизменно мучило.

Это были блаженные времена, и я с огромной радостью вновь посетила те места, когда начала серию «Маунт-Полберн». Мы отправились на однодневную экскурсию – думаю, она обязательна для любого, кто посещает Корнуолл, – на остров Сент-Майклс-Маунт, и я помню, как очаровал меня вид старой, мощенной камнем дороги, исчезающей в волнах. Невозможно представить ничего более романтического и волшебного, и мне так радостно писать об этом в книгах! Если у меня получится хоть в какой-то мере передать в своих романах то счастье, которое принес в мою жизнь Корнуолл... что ж, я буду в полном восторге.

С любовью, Дженни

¹ В романе Сьюзен Купер «Над морем, под камнем» («Over Sea, Under Stone») и сериях книг Энид Блайтон «Великолепная пятерка» («The Famous Five») и «Мэлори тауэрс» («Malory Towers») описан Корнуолл.

Пролог

– Во сне – хотя я не могу, вообще не могу уснуть – я вижу его. Он снится мне каким-то поглупевшим, ну совершенно безмозглым. Будто бы он сидит в стиральной машине или в чем-то таком вроде нее, а я говорю: «вылезай оттуда, идиот». Но он не желает вылезать из стиральной машины, он совсем крошечный – да еще в стиральной машине! – и становится все меньше и меньше, пока не исчезает.

– Это совершенно нормально, – спокойно произнес голос, явно принадлежащий образованному человеку из Уэст-Кантри².

– Вы постоянно говорите, что все нормально. – Селина сердито поправила короткие волосы. – Я могла бы прийти сюда и заявить: «Я по дороге переехала двух дикобразов, потому что они напомнили мне о его волосах. Одного случайно, другого нарочно», и вы бы сказали: «Это совершенно нормально».

– А вы это сделали?

– Нет, но в принципе могла бы. И вы бы точно стали успокаивать меня: мол, все в порядке, все нормально.

– Нет ничего нормального в горе, Селина. Горе – дело обычное. Но оно никогда не бывает нормальным.

Селина протяжно вздохнула:

– Но почему я не... почему я не могу справиться с этим? Понемногу прийти в себя? Все давным-давно хотят, чтобы я это пережила. У них на лице все написано. Им за меня неловко. И я хочу справиться... Не пить слишком много вина, чтобы наконец уснуть и не видеть больше во сне окровавленное лицо умершего мужа в стиральной машине... Мне надоело всех доставать!

– Куда вы собираетесь переехать? – Голос звучал ровно, будто собеседница вовсе не срывалась на крик.

Селина пожала плечами:

– Не знаю. Думаю, я откажусь от аренды в Манчестере. Она все дорожает, а меня здесь ничто не держит.

– Возможно, пора подумать о... возвращении домой? Туда, где ваш дом или дом Тарни?

– Я ни за что не вернусь туда! – с содроганием ответила Селина. – Я совершенно не желаю туда возвращаться.

² Уэст-Кантри (англ. Западная страна) – неофициальное название области на юго-западе Англии; часто используется по отношению к графствам Корнуолл, Девон, Дорсет и Сомерсет, а также к городу Бристоль.

Глава 1

– Прекрати, – предостерегающе произнесла Полли. – Это уже не смешно.

Но Нил, не обращая внимания на ее протесты, стучал клювом в маленькое высокое окно до тех пор, пока Полли наконец не вышла и не предложила ему вкусное угощение.

Он примостился на выступе стены маяка, в башне которого поселились они втроем: Полли, Нил – птица тупик и Хакл – бойфренд Полли, американец. Теперь его мотоцикл с коляской стоял у подножия башни и служил единственным транспортным средством ее обитателям.

На маяке очень давно никто не жил – пожалуй, с конца семидесятых, когда все прожекторы стали электрическими. В башне было четыре этажа и наружная винтовая лестница, что делало маяк, как уже не раз отмечал Хакл, самым продуваемым местом в истории человечества. Зато они с Полли, бегая вверх-вниз, обрели хорошую форму. На одном этаже размещались тяжелые механизмы, с помощью которых поворачивался прожектор; их невозможно было убрать. На верхнем этаже, прямо под прожектором, располагалась гостиная, откуда с одной стороны открывался прекрасный вид на залив, а с другой – на Маунт-Полберн, намывной островок и одноименный поселок, или городок, где они жили и работали, с дамбой, ведущей на материк и дважды в день затопляемой приливом.

Из этих окон можно было увидеть и «Маленькую пекарню на Бич-стрит» с заброшенным магазином, торговлю в котором Полли сумела наладить, перебравшись в городок чуть больше двух лет назад и оставив на материке рухнувший бизнес и рухнувшие отношения с одним человеком...

Вообще-то, она не предполагала заниматься в Маунт-Полберне чем-то серьезным, разве что сидеть тишком, зализывая раны, пока не почувствует готовность вернуться к делам, к общественной жизни; в ту пору ей и на минуту не пришло бы в голову, что в полуразрушенной квартирке над булочной она воспрянет духом, занявшись любимым хобби – выпечкой хлеба, и что с открытием забытой старой пекарни это увлечение превратится в настоящее дело.

Не сказать чтобы работа приносила большую прибыль, учитывая, сколько времени она отнимала, однако обстановка вокруг сложилась настолько замечательная, а труды Полли были так высоко оценены и местными жителями, и приезжими, что она находила в этом нечто лучшее, нежели деньги, – понимание своего жизненного предназначения! Во всяком случае, она часто так думала. Правда, иногда, оглядывая свою весьма примитивную кухню (прежняя квартира в Плимуте была продана, и Полли умудрилась купить маяк по сногшибательно низкой цене; подобным везением она была обязана прежде всего тому, что только сумасшедший – «на всю голову», как подчеркнул агент по недвижимости Ланс, – способен выбрать для жилья продуваемую всеми ветрами неприступную башню, из которой бьет слепящий свет), она гадала, удастся ли когда-нибудь отремонтировать оконные рамы – они стояли первым номером в списке примерно из четырех тысяч вещей, не терпящих отлагательства.

Хакл предложил купить маяк пополам, но Полли отказалась. Она слишком много трудилась ради того, чтобы стать независимой. И уже пробовала делиться всем, что имеет, на собственной шкуре испытав, что значит финансовая путаница совместного владения. Ничего хорошего из этого не вышло, и у нее не было ни малейшего желания повторять эксперимент.

Сейчас ей хотелось одного: сидеть в гостиной – своем гнездышке почти на самом верху дома, – пить чай, жевать сырную плетенку и просто отдыхать, наслаждаясь видом. За окном было вечно меняющееся море, облака, скользящие так близко, что она могла бы их коснуться, рыбацкие лодки, крошечные и хрупкие в бесконечном просторе, пляшущие на блекло-зеленых и коричневатых волнах и волочащие за собой тяжелые сети... Ей просто нужно было пять

минут покоя и тишины, прежде чем она отправится в пекарню и отпустит своего коллегу Джейдена на обеденный перерыв.

Нил, маленький тупик, который однажды штормовой ночью ворвался в жизнь Полли да так и остался с ней, протестовал против такого ленивого досуга. Он предпочитал летать высоко, на воле и до сих пор очень удивлялся, глядя на хозяйку через оконное стекло. Ему нравилось повторять свои маневры: он то облетал маяк кругом и возвращался с другой стороны, то требовательно стучал клювом в стекло, потому что Хаклу казалось забавным кормить его разными вкусными кусочками из окна, хотя Полли просила его не делать этого.

Она отложила книгу и подошла к окну, снова изумляясь (интересно, может ли это когда-нибудь ей надоесть?) лучам солнца, серебрящим волны сквозь облака, далекому крику чаек и свисту ветра, который зимой превращается в штормовой... Ей все еще не верилось, что она живет здесь.

Полли открыла старомодное окно с цельным стеклом и тяжелой щеколдой и сказала:

– Ладно, давай домой.

Но Нил оживленно захлопал крыльями и попытался клюнуть Полли меж пальцев, предполагая, что она могла спрятать в руке что-то вкусное.

– Нет! – строго сказала Полли. – Ты жирный тупик, именно так. Залетай внутрь, и хватит стучать в окно.

Нил решил, что это веселая игра, и снова помчался вокруг маяка, чтобы показать Полли, на что он способен. Когда он сел на подоконник, в его больших черных зрачках светилось ожидание.

– Ох, чтоб тебя, – пробормотала Полли.

А потом – она никогда не сделала бы этого, будь здесь Хакл, – наклонилась и протянула птице кусочек сырной плетенки. Тупик радостно проглотил его и склевал с ладони несколько оставшихся крошек. Он так энергично работал клювом, что в итоге подпрыгнул слишком высоко и соскользнул с подоконника.

– Нил! – вскрикнула Полли, но тут же почувствовала себя полной идиоткой, когда птица взмахнула крыльями и снова подлетела к окну. – Ты меня пугаешь до полусмерти. Или залетай внутрь, или улетай, но не делай того и другого одновременно.

Нил предпочел залететь внутрь. Он сел на пол, потом проковылял через комнату, внимательно рассматривая грубо оструганный деревянный пол – на тот случай, если найдутся не замеченные Полли крошки.

– Ладно, – вздохнула она. – Я возвращаюсь на работу. Веди себя хорошо.

Она окинула взглядом гостиную и убедилась, что ничего не забыла. Когда живешь на маяке, меньше всего хочется возвращаться на последний этаж за какой-нибудь необходимой вещью, о которой вспоминаешь только на нижней ступеньке лестницы. Хакл, кстати, хотел установить пожарный шест, но Полли категорически воспротивилась.

В маленькой круглой комнате было не так уж много мебели, зато там стоял чудесный, ну просто совершенно роскошный старый диван, привезенный Полли из Плимута. Его пришлось развинтить и разобрать на части, чтобы поднять по лестнице, и это заняло почти целый день; но дело того стоило, думала Полли.

На этаже под гостиной находилась спальня с крошечной ванной при ней, ниже был машинный этаж, еще ниже – первый этаж с кухней, ванной и другой гостиной. Рядом с маяком располагалось отдельное невысокое строение – уродливое, с плоской крышей и парой комнат, и нынешние хозяева не представляли, что с ним делать. Маленький садик на склоне граничил со скалами; Хакл собирался в нем покопаться, хотя не был уверен, что здесь можно вырастить что-нибудь, кроме мидий и водорослей. Кто-то когда-то выложил узкими рядами ракушки вдоль ступенек, что вели от маяка к главной дороге, и Полли любовалась этим незатейливым

бордюром, когда сбегала вниз на булыжную мостовую, огибала край гавани и оказывалась собственнно в Маунт-Полберне.

Путь не занимал много времени, но при максимальном приливе и в штормовые дни, когда волны перехлестывают через причальную стенку и воздух наполняется солеными брызгами, можно было основательно промокнуть, прежде чем доберешься из одной точки в другую.

Но сегодня день выдался ветреный и светлый, реденькие облачка скользили над высокими окнами маяка, и солнце намекало, что вот-вот засияет в полную силу, но так и не решалось. Было время отлива, что значило: дорога на материк открыта. Коричневые булыжники влажно блестели, и ветер приносил свежий запах моря.

Городок Маунт-Полберн весьма непрактично пристроился на склоне, и все его дороги неизбежно вели к разрушенной, лишенной крыши церкви на самом верху.

Дороги были вымощены булыжником, круты и извилисты; в городок можно было въехать на своей машине, но это не рекомендовалось. Большинство людей здесь пользовались парковкой на материке, а оставшееся расстояние в несколько сотен метров проходили пешком. Некоторые рыбаки предлагали свои лодки в качестве такси для тех, кто застрял в пути, но большинство местных знали расписание приливов и отливов так же, как время восхода и заката солнца, и в соответствии с этим строили свои планы.

Жизнь на острове была простой. Она и не могла быть другой там, где нет таких вещей, как вайфай (кое-кто предлагал Полли поучаствовать в проведении Интернета, но в телефонной компании ей вежливо объяснили, что для этого им придется проложить подводный кабель, а это обойдется в сто тысяч фунтов стерлингов, так что лучше ей забыть об этой ерунде); здесь не было интернет-магазинов, а также ночных клубов, девичников, взлетных полос и свежих газет.

Вместо этого здесь стояли ряды маленьких серых каменных домов, будто карабкавшихся по склону; некоторые из них щеголяли новыми застекленными пристройками, террасами на крышах и балконами с витыми перилами. Подобную роскошь можно было позволить себе за счет бесстрашных дачников, приезжавших сюда на выходные; местные постоянно над ними подшучивали и продавали им все втридорога. Однако остров мог похвастать и раритетами – к примеру, старым пабом «Красный лев» посреди старинного двора, где до сих пор сохранились кольца коновязи. К местным достопримечательностям причисляли и заведение Энди в лучших традициях «фиш энд чипс» – на его стене красовалась фотография огромной рыбыны и рыбаков, толпящихся вокруг с радостными улыбками. Здесь подавали наилучшую сельдь и свежайшую хрустящую жареную картошку со всяческими добавками; она обжигала пальцы, а потом их щипало от соли и уксуса. Еще хозяин продавал фанту и тайзер³, и вы легко могли перейти мощеную Бич-стрит и поесть на свежем воздухе, устроившись на причальной стенке над гаванью, глядя на воду и отмахиваясь от чаек.

Помимо того в Маунт-Полберне был минимаркет Мюриэл, где продавалось абсолютно все, а еще ветеринарная клиника Патрика (два раза в неделю он делил свой офис с Калли, начинающим врачом общей практики) и другая пекарня, которой в свое время управляла миссис Мэнс. Она сдавала комнату Полли, когда та только приехала в Маунт-Полберн, и невероятно портила ей жизнь, являясь ярой противницей здоровой конкуренции на хлебопекарном рынке. Теперь миссис Мэнс вышла на пенсию и поселилась вместе со своей столь же сварливой сестрой в Труро, предоставив Полли полную свободу действий в плане бизнеса.

В конце набережной находился помпезный новый ресторан, слишком дорогой для местных жителей, но очень популярный среди приезжих. Он специализировался на свежей рыбе, которую туда доставляли каждое утро с рыбацких лодок. В этот ранний час рыбаки чинили сети, подсчитывали улов, и двое мужчин приветливо помахали Полли, когда та проходила мимо, и спросили, какие микетты она сегодня будет печь (эти круглые булочки очень попу-

³ Тайзер – безалкогольный напиток красного цвета со вкусом цитрусовых.

лярны у рабочего люда). А потом все они громко приветствовали Нила: пернатый, как в сердцах сказала себе Полли, снова потащился за ней на работу. Надо заметить, ему не на пользу шло присутствие в пекарне: там ему давали слишком много лакомых кусочков и, несмотря на то что кухня у Полли обычно сияла безупречной чистотой благодаря ее помощнику Джейдену, мог выйти казус. Если санитарный инспектор, проходя мимо, заглянет к ним и увидит птичий помет, хозяйку ждут неприятности. Тот факт, что никто не смог бы появиться в Маунт-Полберне, не будучи замеченным абсолютно всеми, значения не имел, как сурово заявила Полли помощнику.

Прошел уже почти год после большого шторма – урагана огромной силы, который налетел практически ниоткуда, раскидал лодки и стоил жизни Корнелию Тарнфорту, Тарни, капитану «Трохила». Их роман с Полли продолжался недолго, однако не было такого дня, чтобы она, проходя вдоль ряда лодок у причала, не вспомнила Тарни... Да и городку понадобилось немало времени, чтобы исцелиться после той бури.

Полли позвонила в колокольчик «Маленькой пекарни на Бич-стрит» с милым нежно-пепельным фасадом – его покрасил ее бывший, Крис, – и с чудесной вывеской. Надпись на ней была сделана затейливым курсивом: «Хозяйка: мисс Полли Уотерфорд». Полли почти всегда испытывала прилив гордости, глядя на нее. У двери уже стояли в ожидании несколько человек, и Джейден выкладывал на подносы теплые утренние буханки. Сегодня, кроме обычной, тонко нарезанной сдобы, можно было купить плотный хлеб на опаре, который продавался хуже, – зато, по мнению Полли, из него получались замечательные тосты.

– Привет! – сказал Джейден. – Да, сегодня все идет чудесно. Кроме... ну... кроме микетт с чоризо. Они перепеклись.

Полли строго посмотрела на него:

– В самом деле, Джейден?

Она сняла пальто и повесила его на крючок, потом обошла прилавков, чтобы тщательно вымыть руки. Оглянувшись, она увидела Нила, терпеливо ожидавшего за дверью и время от времени переступавшего с лапки на лапку. Он будет так стоять, пока кто-нибудь из посетителей не войдет внутрь и не впустит его, что обычно и происходило. И не в первый раз Полли подумала о возможности научить тупика послушанию.

– Да, – кивнул Джейден, и его круглые щеки подозрительно порозовели.

Покупатели терпеливо ждали, рассматривая старомодные стеклянные витрины, чтобы заранее выбрать булочки с кремом.

Полли вскинула брови.

– Они были очень хорошими, – пробормотал Джейден. – Прости, я только одну микетту попробовал...

С Джейденом возникла одна проблема... Да, он был прекрасным работником: услужливым, вежливым, добрым, ловким; он следил за чистотой изо всех сил; годы работы на рыбацких лодках приучили его к точности и аккуратности. Джейден вовсе не был красавчиком, но был милым, обаятельным и всем нравился.

И еще он был бесконечно благодарен за то, что ему больше не нужно выходить в море, – флот он ненавидел. Ему нравилось работать в помещении по четкому графику. Он был абсолютно честен во всем, что касалось денег, и вежлив с покупателями (по крайней мере с местными; но начинал уже привыкать к туристам и отпускникам, с которыми поначалу разговаривал резко или вообще молчал).

Но у него была ужасная, ужасная привычка съедать продукцию, готовую к продаже.

– Не думай, будто я не знаю, что ты это сделал, – сказала Полли, показывая на животик Джейдена, заметно выпирающий под серым фартуком.

– Да, понимаю... извини...

Ему действительно было стыдно, он заливался краской. Джейден в прошлом году отрасстил усы ко дню Усабря⁴, и все говорили, что они ему к лицу (и это правда), так что он не стал их сбривать, а теперь вроде бы даже его усы покраснели.

– Я не против того, чтобы ты немного попробовал, – продолжила Полли. – Но ты же знаешь, в этих булочках мясо. А оно дорогое.

Несмотря на усы, Джейден стал похож на семилетку, уставившегося в пол.

– Вам не стоит сердиться на этого милого юношу, – сказала миссис Корнинг, вдова подобного. – Он благословенный, правда.

Другие леди в очереди с ней согласились. Для кого-то из них, как подозревала Полли, болтовня и легкий флирт с Джейденом были неплохим развлечением.

– Очень голодный благословенный, – проворчала она.

– А она оставляет снаружи эту свою птичку, – неодобрительно произнесла другая леди.

Дамы зашушукались. Полли хотелось закатить глаза, но она воздержалась. Для некоторых местных жителей, ясное дело, она навсегда останется приезжей. Полли подошла к следующей женщине в очереди.

– Что вам предложить? – вежливо спросила она.

– У вас есть эти аппетитные булочки с кусочками колбасы? Я такие очень люблю.

– Нет, – ответила Полли, в последний раз одарив Джейдена сердитым взглядом. А он притворился, что не заметил этого и вдруг оказался ужасно чем-то занят. – Нет, сегодня нет.

Звякнул колокольчик над дверью.

– Эй, Полли, ты забыла Нила снаружи! – прогудел густой голос с американским выговором.

Магазинчик, и без того маленький, вдруг показался еще меньше, когда тень Хакла упала на прилавок. Хакл был очень высоким, длинноногим, широкоплечим, с густыми светлыми волосами, отчего казался еще больше. Полли иной раз изумлялась, что он стал ее бойфрендом: он выглядел так, словно сошел с рекламы, на которой изображались кактусы, и пустыня, и ковбойские шляпы.

– Да, вот так, приятель, – сказал Хакл птице.

Нил сидел на его руке, хотя не имел такой привычки, и страдальчески взирал на Полли.

– Нигде я его не оставляла! – раздраженно заявила Полли. – Птицам не положено находиться в рабочих помещениях. Ему следует прыгать по скалам, стараясь найти себе подружку.

– Или друга-тупика, – заметил Хакл. – Ты ведь не страдаешь предрассудками?

Полли посмотрела на него в упор:

– Ты меня называешь птицегомофобом?

– Я просто говорю, что мы должны принять любой выбор Нила.

– Кроме одного: позволять ему болтаться в магазине!

Хакл вздохнул. Старые леди столпились вокруг Нила (или, язвительно подумала Полли, для того, чтобы протянуть свои старушечьи лапки к бицепсам Хакла). Когда они наконец разошлись, Полли потянулась к бойфренду, чтобы поцеловать его.

– Ладно, привет, – сказала она, вдыхая его чудесный теплый запах, слегка отдающий бензином мотоцикла, на котором он всегда ездил. – Ты сегодня не в духе?

Хакл покачал головой:

– Ничего подобного! Я просто заскочил, чтобы сказать: Дюбоз приезжает.

Полли прикусила губу.

⁴ Усабрь (англ. Movember, словослияние от moustache – усы и november – ноябрь) – вид фандрайзинга, или сбора пожертвований, на изучение мужских болезней и борьбу с ними.

– Ты серьезно? – Ее сердце забилося немножко быстрее. Она никогда еще не встречалась с Дюбозом и ни с кем из семьи Хакла, а Дюбоз был его младшим братом и кем-то вроде паршивой овцы в стаде. – И с какой целью?

Хакл округлил глаза:

– Меня не спрашивай. Судя по всему, он нуждается в отдыхе.

– Он разве не фермер? – слегка растерялась Полли.

– Да, – подтвердил Хакл. – Именно так. У фермеров отпуска не бывает!

– Как и у пекарей, – кивнула Полли.

– Даже хуже.

– Ох, ну да.

Хакл пожал плечами:

– Он оставил все на Клемми.

Клемми была подругой Дюбоза.

– А она справится?

– Она великолепна! Просто замечательная! Но руководить фермой... это требует немалых усилий.

Хакл сдвинул брови. Он нечасто выглядел сердитым. Полли подумала, что это делает его еще более привлекательным.

– И когда он объявится?

– Думаю, через пару недель. Его пока где-то носит. – Хакл улыбнулся с обреченным видом. – Ему не нравится строить планы, связывать себя обязательствами или извещениями. Ничего, если он у нас остановится, а?

– Конечно, но... ох... Как ты думаешь, я ему понравлюсь?

Хакл округлил глаза.

– Дюбозу все нравятся, – сказал он.

Полли уставилась на него.

– Не слышу ли я в твоём голосе нотку ревности? – поинтересовалась она.

– Что, приезжает новый молодой человек? – спросила миссис Корнинг. – О, в последние дни происходит так много волнующего!

Когда Полли и Хакл встретились впервые, он был пасечником, а так как пасека находилась неподалеку, Полли продавала в своей булочной его мед. Но с первой попытки их роман не удался. Хакл вернулся домой, в родную Саванну, и устроился в какую-то фирму. Однако не сумел приспособиться к сидячей работе, кондиционерам, корпоративной жизни после полугода на свежем воздухе Корнуолла и приехал обратно. Его отец родился в Соединенном Королевстве, и это весьма помогло при оформлении паспорта.

Теперь, когда из-за повальных сокращений люди переезжали из города в деревню, чтобы иметь хотя бы пару коз, несколько кур и один-два улья, Хакл стал странствующим пчеловодом, а также консультировал любителей, помогал наладить пасеки и восстанавливать уменьшавшуюся популяцию пчел. Еще он сохранил долю в своем коттедже, где теперь жила пожилая пара, с удовольствием разводящая цветы и позволявшая Хаклу ставить у них ульи в обмен на пару банок меда раз в месяц или около того. Это было весьма приятное соглашение. Хакл не зарабатывал много денег, но ведь они с Полли жили очень скромно, им нужно было только горючее для мотоцикла и большая коробка овощей раз в неделю – овощи они покупали у местного фермера. Да, они вполне довольствовались малым. Ну, вообще-то, иногда Хакл думал о том, чтобы привести в порядок маяк и полностью выкупить бизнес Полли – она ведь до сих пор работала по лицензии миссис Мэнс, первоначальной владелицы, – но на это требовалась внушительная сумма, а денег не было. и прекрасно, говорил себе Хакл, потому что у них с Полли и так есть больше чем достаточно.

Глава 2

– Ну и ладно, – сказал Джейден. – Уйду в другой магазин. Стану жителем материка.

Полли округлила глаза:

– Джейден, да на этой земле каждый – выходец с материка. Семь миллиардов жителей материка и семь сотен жителей Полберна. Ты не можешь делить мир на части подобным образом.

Джейден усердно работал веником, но по морщинке на его лбу Полли видела, что он не согласен.

– Пойду-ка провожу Хакла к мотоциклу.

– Это значит, что она хочет от меня избавиться, – заявил Хакл, подмигивая старым леди.

– Я не хочу избавляться от тебя, – возразила Полли. – Я хочу избавиться от Нила. Просто надеюсь, что он отправится за тобой.

И действительно, когда они вышли вместе, Нил радостно запрыгнул в коляску мотоцикла. Без сомнений, ему нравилось кататься.

Хакл усмехнулся, оглянувшись на Полли.

– Хочешь что-нибудь приготовить? – спросила она.

Хакл пожал плечами:

– А как насчет того, что готовить будешь ты, а я съезжу за всеми теми приправами и мелочами, которые ты забыла купить?

– Договорились, – кивнула Полли, снова целуя его.

Хакл посмотрел на свои часы и сел на мотоцикл. Нил прижался к боку коляски, чтобы без опаски наслаждаться встречным потоком воздуха.

– Не знаю, кем воображает себя эта птица, – проворчала Полли.

Но она с удовольствием проводила их взглядом, когда они умчались прочь под адский грохот мотора – к дамбе, еще проезжей после утреннего отлива.

Полли глубоко вдохнула прохладный соленый воздух, глядя на облака, полоскавшиеся в небе, как чистое белье, и гадая, каким окажется брат Хакла. У нее самой не было братьев; может, он и ей станет кем-то вроде брата.

Она прошлась по Бич-стрит. Хотя остров был очень мал, здесь работали две пекарни. В главной булочной Маунт-Полберна до сих пор продавались сэндвичи, тосты, а также более традиционные замороженные бисквиты, бисквитное печенье и пирожные. Сначала Полли просто была предоставлена возможность самой вести дела в ее маленькой пекарне, выпекать хлеб разных сортов, необычные багеты с оливками и аппетитные пироги. Теперь, когда миссис Мэнс окончательно ушла на отдых, Полли технически отвечала за оба магазина.

День стоял сияющий. Весной Полли просто не представляла, что можно жить где-то, кроме Маунт-Полберна. Вообще-то, она и летом думала то же самое, когда вокруг пахло кремом для загара и мороженым и маленькие солнцезащитные очки в розовых и голубых пластиковых оправках были аккуратно положены на парапет набережной, на случай если владельцы вспомнят о них и вернутся. И ей нравилась осень, когда приезжали серферы, чтобы поймать большую волну за волнорезом – в своих черных костюмах они напоминали тюленей, – а потом заглядывали в ее пекарню, продрогшие и умирающие от голода. И так приятно было подавать посетителям горячий суп и кофе, когда каникулы кончались, дети возвращались в школу и на берегу становилось тише! Впрочем, Полли любила и зиму с ее лютыми ветрами и морозами. В такую погоду бессмысленно выбираться куда-то, и они с Хаклом могли сидеть рядышком и смотреть американские телевизионные шоу, есть горячие тосты с маслом и галлонами пить чай в своем маленьком орлином гнезде, пока снаружи бушует шторм. На острове невозможно было не замечать смены времен года, невозможно было отгородиться от мира, как в офисе с

климат-контролем, под флюоресцентными лампами, в мегаполисе со случайными лоскутками парков, засыпанных окурками.

А здесь Полли нравилось все.

Два года назад, когда вся ее жизнь рассыпалась в черную труху, она и вообразить не могла, что когда-либо достигнет такого блаженства и спокойствия, такого единения с временами года и согласия с самой собой. Даже в самое холодное утро или после долгой, изнурительной возни у печи, в дни, которые тянулись, пока она поздней ночью не заканчивала подсчитывать кассу, или в бесконечные часы потения над налоговой декларацией, когда она пыталась сообразить, что было пирогом, а что печеньем, даже когда сутками лил дождь, в то время как остальную часть страны заливало солнце, или когда ей хотелось надеть что-нибудь новое, но она соображала, что никто не доставит покупки на остров, а самой ехать слишком далеко, да она и не может себе это позволить, – даже тогда Полли не сожалела о том, что так радикально изменила свою жизнь, и просто поверить не могла в свою удачу. И еще она полагала, что исчерпала все невезение и что теперь ничего плохого не случится.

Но вселенная, похоже, была не согласна с таким ходом мысли.

Глава 3

Флора Ларсон, работавшая в старой пекарне, выглядела так, словно в любую минуту ожидала неприятностей. Она была тоненькой и вечно сутулилась, как будто ее только что пристыдили; то и дело смотрела в пол, и слишком длинная челка падала ей на глаза. Однако, если присмотреться, за этой виноватостью скрывалось очень милое личико.

А главное – она умела печь, что было огромным подспорьем для Полли. Джейден выполнял только простую работу, Флора же прекрасно управлялась с тестом, пусть даже была склонна ворчать на покупателей, хотя Полли просила ее не делать этого. Еще она постоянно дергала себя за волосы, из-за чего Полли тоже тревожилась, боясь нарушения правил гигиены. Миссис Мэнс буквально съела бы ее за такое! К тому же Флора совершенно не считалась со временем. Полли не хотелось поднимать шум, тем не менее ничего хорошего не было в том, что порой покупатели вынуждены бежать из одной булочной в другую, чтобы получить свои сэндвичи.

Этим утром Флора с растерянным и разочарованным видом стояла посреди весьма неопрятного магазина, откуда еще не были выметены вчерашние крошки.

– Привет, Флора! – поздоровалась Полли, стараясь говорить не слишком резко.

В этой части света нелегко найти работу, особенно в мертвый сезон. Сознывая сей факт, Полли постоянно клялась себе, что не будет «ужасным старым злым боссом», и все же эта неряха выводила ее из терпения. А вот Хакл считал Флору смешной.

– У меня ноги промокли, – сварливо откликнулась Флора, уставившись в пол.

И в самом деле, когда Полли присмотрелась, она увидела, что Флора стоит почти в луже, ее туфли и носки мокры и с них стекает на пол вода.

– Ты опять угодила в прилив? – спросила она.

– Они неправильно пишут время в этих своих сводках! – заявила Флора. – Постоянно ошибаются!

– Мне всегда казалось, что там все верно, – мягко возразила Полли.

– Еще бы, ведь у тебя роскошные часы и все другое не хуже! – нахально брякнула Флора.

Это было чем-то новеньким для Полли – неужели кто-то думает, будто она богата и влиятельна просто потому, что она босс?

– Ладно, может, примемся за дело? – предложила она.

И как раз в этот момент зашел за утренней лепешкой ветеринар Патрик.

– Привет, Полли! – поздоровался он. – Как поживает твоя забавная птица?

Полли чуть было не сказала, что подумывает, не заставить ли ей Нила работать в пекарне вместо некоторых, но прикусила язычок, глянув на Флору.

– Ты же знаешь, этот тупик глуп как пробка, – ответила она.

– Впервые встречаю человека, который держит морскую птицу в качестве домашнего питомца, – сказал Патрик, качая головой. – Никогда не видывал ничего подобного.

Полли улыбнулась. Ей нравилось слышать комплименты насчет Нила.

– Только не подпускай к нему кошек, – добавил Патрик, слегка вздрогнув. – Отвратительные существа!

Неприязнь Патрика к кошкам не мешала ему исполнять долг ветеринара, так что он и не трудился ее скрывать.

– А у меня дома очень милая кошечка, – сообщила Флора, не двигаясь с места, пока Полли заворачивала только что испеченную, еще не остывшую лепешку.

– Пахнет чудесно, – сказала Полли. – Знаешь, Флора, тебе стоило бы выступить в шоу «Лучший пекарь Британии».

Флора хихикнула, тут же забыв о мокрых ногах.

– Моя мама тоже так говорит! – просияла она. – Думает, я буду неплохо смотреться на экране.

– Это тебе стоило бы поучаствовать там, – заметил Патрик, обращаясь к Полли.

– Да ты шутишь! – отмахнулась та. – Я и вообразить не смогла бы ничего более ужасного. К тому же, думаю, профессионального пекаря на шоу не возьмут. Иначе Пол Голливуд⁵ запросто побеждал бы каждый год, тебе не кажется?

Патрик посмотрел на Флору.

– Вам надо снять носки и туфли, – сказал он. – Иначе простудитесь.

Флора нахмурилась:

– Не понимаю, почему бы тебе не открыть магазин на материке, как делают все нормальные люди?

Полли поставила на прилавок поднос с лепешками и сэндвичами и отдала Флоре буханки и пряные булочки, которые принесла с собой. Разделение труда было самым эффективным способом вести дела, хотя Полли не поддавалась иллюзии, что в данном случае это хоть сколько-нибудь эффективно.

– Пожалуйста, Флора, постарайся здесь хоть немного прибрать! Скоро явится толпа народа на ланч да еще несколько туристов, приехавших на один день. И не можешь ли заодно подготовиться к завтрашнему дню?

Сегодня пятница. А суббота – день путешественников. По воскресеньям же пекарни по традиции были закрыты. Полли пыталась сообразить, не следует ли открываться по воскресеньям для увеличения продаж, а выходной брать в понедельник. Она много думала об этом, но пришла к выводу, что это не понравится никому из жителей Маунт-Полберна, а следовательно, лучше оставить все как есть, если желаешь иметь хоть какой-то выходной на неделе. Есть вещи, которые ни в коем случае не стоит менять. А еще она прикидывала, не пригласить ли третьего сотрудника на летний сезон... И неплохо бы получить лицензию на кафе, чтобы расширить пекарню на Бич-стрит...

Полли криво улыбнулась собственным глупым амбициям. В данный момент она не могла управиться даже с теми двумя работниками, что у нее были. Первый проедал прибыль, вторая норовила утонуть по пути на работу. Как она, Полли, может повлиять на обоих? Эх, наверное, лучше не забегать вперед.

Поскольку день стоял прекрасный, Полли поспешила обратно в «Маленькую пекарню на Бич-стрит». В погожие дни к обеденному времени у двери обычно выстраивалась очередь, потому что каждому хотелось съесть свой ланч, сидя на солнечной набережной. Рыбаки обычно скидывались на обед и покупали любые сэндвичи, какие только находились у Полли.

– Привет! – поздоровалась она. – Сегодня у меня есть теплые большие сосиски в тесте с кетчупом и горчицей и вдобавок маленький горшочек бобов.

Арчи, бывший боцман, а ныне шкипер рыбацкого судна, постарался улыбнуться.

– Звучит просто потрясающе, – сказал он.

– Устали?

Она могла бы не спрашивать: рыбаки всегда уставали. Им приходилось рано утром доставлять на берег улов, чтобы в рестораны попадала свежайшая рыба. Они работали ночи напролет, но и днем отдыхать было некогда. Существовали правила Европейского союза по поводу того, сколько можно добывать рыбы, но не было правил насчет продолжительности рабочего времени. И конечно, усталость сказывалась...

⁵ Пол Голливуд – британский шеф-повар и телеведущий, судья кулинарного шоу «Лучший пекарь Британии».

Арчи теперь ходил на «Трохиле-2» – судне, заменившем первый «Трохил», на котором командовал Тарни. Недавно шкипер стал отцом в четвертый раз; мальчика назвали Уильямом. Неудивительно, что Арчи был выжат как лимон.

– Ох, понимаешь... – сказал он, протягивая Полли кучку монет, – Уильям такой живчик... А остальные мои дети учатся... и у них то спортивные дни, то походы, то вечные каникулы! Короче, школьники *на самом деле* никогда не ходят в школу! Помню, когда я был в их возрасте, мы проводили в школе все свое время. А теперь ничего подобного. Это называют днями профессионального развития учителей, что значит: потрудитесь-ка сами лишний раз присмотреть за детьми дома!

Джейден обслуживал остальную очередь, пока Полли готовила для Арчи кофе в своей обожаемой кофемашине. Арчи явно нуждался в том, чтобы взбодриться. Она передала ему стаканчик вместе с четырьмя пакетиками сахара, и он все их высыпал в кофе.

– А потом жене хочется пойти куда-то поужинать, и она говорит: «я совсем не развлекаюсь», и...

Это была длинная речь для Арчи, который обычно бывал неразговорчив, и он умолк, не договорив, и даже слегка порозовел.

Полли кивнула.

– Понимаю, – сказала она. – Вам, ребята, приходится так тяжело трудиться. А разве нельзя подремать на лодке?

Иногда Тарни удавалось урвать полчаса сна, пока они добирались до рыбных мест, перед тем как начиналась настоящая работа.

Арчи поморщился.

– Может, потом, когда я привыкну к делу, – произнес он. – А пока у меня все силы уходят на то, чтобы держаться на плаву. И самому держаться, и лодку удержать.

Полли снова кивнула и легонько похлопала его по плечу.

– Да, знаю, – вздохнула она. – Это трудно.

Арчи посмотрел в окно. Рыбачьи лодки в гавани представляли собой прелестную картину: они выстроились в ряд, мачты слегка гудели на ветру.

– Я не... Пока мы не начали возить всех этих туристов, – снова заговорил Арчи, – я и не представлял, какой легкой может быть жизнь у других.

Полли знала, что рыбацкое дело должно быть у человека в крови. Либо это призвание, либо каторга.

– Ну, по правде говоря, ты ошибаешься, – сказала она. – Видишь людей, которые приезжают сюда на больших машинах, отдыхают, гуляют по пляжу, едят мороженое, и кажется, что они только этим и занимаются, но это не так. Просто у них выходной, вот и все, – как у тебя, когда ты ездил на Кипр.

– Четыре года назад, – проворчал Арчи.

– У них тоже есть свои трудности. Приходится долго торчать в ужасных офисах, работая на ужасных боссов. Целыми днями перекладывать бумаги и ненавидеть их. Каждый божий день выполнять противную работу и никогда не видеть собственных детей.

– Я-то их вижу слишком часто, – возразил Арчи.

Полли усмехнулась.

– Это потому, что ты хороший папа, – сказала она. – Ладно, сейчас отнесу команде сосиски в тесте. А ты пойди вон туда, на ту скамью, и вздремни там, а я разбуду тебя через час.

Арчи посмотрел на нее:

– Не хочу, чтобы парни думали, будто я раскис.

Он старался держаться из уважения к памяти Тарни, и это требовало от него жертв.

– Я им скажу, что ты помогаешь мне передвинуть что-то в лавке. Что-нибудь по-настоящему громоздкое, грязное и тяжелое, – предложила Полли. – И сплошь в пауках. Годится?

Арчи благодарно кивнул, и Полли провела его за прилавок и наружу, к скамье, которая притаилась между древним крестом и пустой каменной конской поилкой. Солнце согрело этот уголок, и Полли заметила, что глаза Арчи почти мгновенно закрылись.

У причальной стенки ветер задул сильнее. Остальные члены команды ушли на лодку. Дэйва прислали к ним через агентство в прошлом году; он начинал как пчеловод, однако жутко боялся пчел и в итоге попал в команду рыболовного судна. И выяснилось, что Дэйв буквально родился для этого дела; он оказался настоящим рыбаком, любившим воду, и, как о нем говорили, нюхом чуял рыбу. Моложе всех в команде был малыш Кендалл – он с нежностью улыбался Полли, не сводя глаз с бумажного пакета в ее руках. Новичка Стэна, большого норвежца, Полли почти не знала.

– Привет, – сказала она. – Арчи задержится, поможет мне кое с чем.

Кендалл схватил пакет и принялся.

– Ой, как пахнет, пахнет, пахнет! – воскликнул он. – А вы принесли нам что-нибудь сладкое на закуску?

– Я не продаю сладости, – в миллионный раз сообщила ему Полли.

– А Арчи отдыхает? – спросил Дэйв.

– Нет, он...

– Ему очень нужно отдохнуть.

Остальные согласно закивали.

– Он старается делать все сразу, – пояснил Кендалл. – И это хорошо. Он молодец. Но просто слегка паникует. Тарни никогда не паниковал.

– Конечно, – согласилась Полли, и все помолчали несколько секунд.

– Но он временами покрикивал на нас, – добавил Кендалл. – Арчи вот не кричит.

– Ладно, это другой разговор, – сказала Полли. – когда он вернется, сделайте вид, будто вы в курсе, из-за чего он задержался на берегу: помогал кое-что сделать в магазине. Иначе он вообще и на минуту не присядет.

– Ему это нужно, – в первый раз заговорил Стэн – медленно, с сильным акцентом. – Опасно командовать лодкой, если не выпался, ja?⁶ Он должен заставлять себя отдыхать.

Полли улыбнулась:

– Никогда не могла понять, как такое возможно. Но да, я согласна.

Она вернулась в пекарню и остаток обеденного времени суежилась там вместе с Джейде-ном, обслуживая очередь, выстроившуюся на улице. Каждый раз, когда Полли видела такое количество посетителей, ей становилось радостно. Тот факт, что люди приходят сюда изо дня в день, отдают деньги за то, что она приготовила собственными руками, делал ее счастливой. Иногда это даже казалось не совсем реальным, и Полли хотелось подбежать к какому-нибудь покупателю, уплетавшему ее булочку, и сказать: «Это я испекла, представляете?»

Однако она удерживалась от искушения.

После ланча и уборки, если все было продано – а обычно так и бывало, – булочная закрывалась. Начинать приходилось рано, и, поскольку хотелось все сделать вовремя, к двум часам дня Полли уже с ног валилась, проработав девять часов кряду, а еще нужно было подсчитать выручку и разобраться с кучей бумаг. Хакл старался так подогнать свое расписание, чтобы заскочить домой на часок-другой, и тогда они могли поваляться в постели, поболтать и посмеяться. А потом ему снова нужно было уезжать, а Полли – ставить тесто на следующий день, закругляться с расчетами, готовить ужин... И каждое утро все начиналось заново.

Сегодня, вернувшись на пустой маяк – он казался совсем опустевшим, когда здесь не было Нила, – она услышала, как звонит домашний телефон. И нахмурилась. Она время от времени пользовалась стационарным телефоном – мобильный сигнал иногда давал сбой, – но

⁶ Да? (норв.)

не часто, и уж конечно, не в дневное время. Полли лишь вчера разговаривала с матерью, и у той все было в порядке. Должно быть, звонил Хакл; видимо, он где-то задерживается.

Полли взлетела наверх, перескакивая через ступеньки и гадая, давно ли звонит телефон. Спешить нет смысла, подумала она, минуя первую площадку. Подняться быстрее возможного все равно нельзя, а от чрезмерных усилий ей не хватит дыхания на разговор, когда она доберется до аппарата.

Телефон умолк, но через несколько секунд заголосил снова. Полли нервно сглотнула и продолжила подъем. Это был нехороший знак. Если только какой-нибудь рьяный торговый агент не домогается внимания потенциальных клиентов.

Она промчалась, не держась за перила, в верхнюю комнату под прожектором. Телефон стоял там, когда Полли с Хаклом перебрались сюда, и они не стали ничего менять. Полли это даже нравилось. Аппарат явно когда-то принадлежал береговой охране, он был бюрократического серого цвета, с массивными белыми кнопками, и многие из них предназначались для каких-то таинственных функций, непонятных Полли. А звонок звучал так сурово и неотступно – брринг, брринг, – что сразу вспоминались черно-белые военные фильмы.

Полли сняла трубку:

– Алло?

Голос на другом конце был прерывистым, но громким.

– Это мисс Уотерфорд? – официально спросила незнакомка.

– А... да.

– Говорит Джанет Лэнг. Сестра Джиллиан Мэнс.

– Да, конечно, – пробормотала Полли, опускаясь на диван; внутри у нее все похолодело. – Все в порядке?

– Только, – продолжила Джанет, словно не слыша слов Полли, – только у нас, видите ли, небольшие неприятности.

– Что случилось?

Полли посмотрела в окно на мирно круживших чаек, на маленькие барашки на волнах. Все выглядело таким же безмятежным и мирным, как всегда.

– Ну, боюсь, Джиллиан... нас покинула, – сказала сестра миссис Мэнс.

Последовало молчание.

Миссис Мэнс, несмотря на возраст и раздражительность, казалась Полли очень сильной особой. И уж точно она была не из тех, кто может просто, буднично уйти из жизни, перестать существовать: она была крепкой, пугающе крепкой.

– Но с ней же не происходило ничего плохого... – сказала Полли. И прижала к лицу ладонь. – О боже... боже мой...

– Я ей говорила, что нужно похудеть, – отрезала Джанет с сестринской бесцеремонностью, но Полли чувствовала, что та по-настоящему потрясена. – Я ей твердила-твердила, но она же была такой упрямой! И ее врач повторял то же самое миллион раз, и я! Ты слишком толстая, Джиллиан! Ты ешь слишком много сладкого! Мы устали повторять это! *Продавай печенье*, а не ешь его! Но она же никогда никого не слушала, никогда... – Джанет захлебнулась рыданиями.

– Это... это случилось внезапно? – Голос Полли тоже задрожал.

У миссис Мэнс была такая печальная жизнь: она трудилась в пекарне после того, как море забрало у нее единственного ребенка – сына, которого она не переставала оплакивать. Она часто выходила на берег после наступления темноты – посмотреть, как возвращаются лодки, просто на всякий случай, а вдруг ее мальчик окажется в одной из них... И это тянулось годами, ее магазинчик становился все более и более запущенным и унылым, а она все глубже погружалась в тоску и сожаления.

– Ну да, – сказала Джанет. – Можно и так сказать. Сердечный приступ. – Ее голос зазвучал тише. – Мы часто ссорились, вы знаете.

– Знаю, – подтвердила Полли, которой приходилось часами выслушивать жалобы миссис Мэнс на свою жизнь пенсионерки и на то, какова ее сестрица.

– Но я действительно ее любила!

– Верно, – согласилась Полли. – И она тоже вас любила.

Обе снова замолчали.

– Ну как же это грустно! – произнесла наконец Полли, и это было сказано искренне.

Она-то надеялась, что небольшая компания – когда можно вместе с кем-то поесть, посмотреть телевизор и сыграть в бридж – скрасит пенсионную жизнь миссис Мэнс, изменит ее к лучшему...

– Ох... – снова заговорила Джанет Лэнг, которая явно взяла себя в руки и теперь опять стала похожа на свою сестру. – Но теперь предстоит такая суета... Она пожелала, чтобы ее похоронили на острове, ну и всякое такое. Неужели она ожидала, что я легко справлюсь с этим?

– Мы, конечно же, должны вам помочь, – сказала Полли. – Позвольте нам все устроить.

Джанет фыркнула:

– Ой, только не думайте, что она оставила вам эти лавки или еще что-нибудь. Ровным счетом ничего!

Полли даже не рассердилась.

Глава 4

– ...Или, – сказал Хакл, – все прекрасно устроится и будет в полном порядке.

Он развалился на диване и, как обычно, выглядел таким расслабленным, что трудно было понять, спит он или бодрствует. Чаще всего это казалось Полли милой и умиротворяющей чертой характера. Трудно было волноваться или слишком тревожиться, когда рядом был Хакл. Он отличался уверенностью в том, что все будет хорошо, и время от времени Полли заражалась этим настроением.

Но сейчас был не тот случай. Полли обеспокоенно бродила по круглой комнате маяка, поглядывая на темнеющее море. Нил подпрыгивал – тоже с озабоченным видом.

– В смысле... все эти дома... все это место. То есть я хочу сказать: Маунт-Полберн вошел в моду...

– Да, благодаря тебе, – сонно откликнулся Хакл.

– ...а ты знаешь, с какой сумасшедшей скоростью растут цены на недвижимость. Я имею в виду: что, если ее сестра решила просто быстренько продать пекарню?

– И кто же решится купить дом в захолустье, где не достать свежего нарезного батона?

Полли пожала плечами:

– Мюриэл могла бы понемногу снабжать остров хлебом. Если честно, скажи, что бы сделал ты, парень в шляпе делового американца?

– В шляпе делового американца?

– Именно.

– А что это такое? Ну, то есть, может, это здоровенный стетсон?⁷ И у меня на нем значок? Может у меня быть значок шерифа? Пожалуй, мне бы понравилось. Да, определенно понравилось бы.

– От тебя куда меньше пользы, чем тебе может показаться.

– Американский бизнесмен выкупил бы это место десятки лет назад и превратил в сувенирный молл; думаю, лишь чокнутые стали бы сопротивляться. И еще у него хватило бы ума построить мост. – Хакл посмотрел в окно. Он очень редко упоминал о мосте и теперь уже сожалел, что заикнулся. Полли может завестись... Не стоит поднимать эту тему в ближайшее время. – Ладно, – сказал он, вздыхая. – Ты просто позвони Джанет и спроси, что она собирается делать. Или узнай о похоронах.

– Она уже заявила, чтобы я и не думала во что-то вмешиваться, – ответила Полли. – Она меня просто напугала.

– Интересная нотка звучит в твоём голосе – как будто тебя что-то удивляет, – заметил Хакл.

Миссис Мэнс постоянно язвила в его адрес, что ему, конечно же, совсем не нравилось.

– Но если она меня выкинет... что нам делать? Получается, я работала-работала, чтобы все наладить, а мои труды пропадут ни за грош... Я имею в виду, мы же тогда не сможем платить ипотеку за это место, нам придется куда-то перебираться, и мне надо будет... Ну я не знаю. Искать работу в какой-нибудь булочной, где пекут пироги!

Хакл улыбнулся:

– О-о, это было бы прекрасно!

– Но я не хочу работать в таком месте!

– Ты можешь стать шефом по выпечке у Рубена, – подсказал Хакл.

Рубен был их очень богатым другом.

– Я тогда там и застряну, спасибо.

⁷ *Стетсон* – ковбойская шляпа культового фасона.

– Посмотри на все иначе, – предложил Хакл. – Люди ведь довольно ленивы, так? Большинство из них. Они вовсе не настолько чокнутые, чтобы вставать посреди ночи, как ты.

– К чему ты клонишь?

– А Джанет – старая леди. И что произойдет, скорее всего? Она сделает тебя бездомной, затем решится на какие-нибудь дорогостоящие перемены, купит шикарное кухонное оборудование, чтобы продать все молодому предпринимателю, который будет обеспечивать радостную жизнь идиотам, приезжающим на уик-энд? Или же она просто оставит все как есть и будет загребать наши денежки?

Полли улыбнулась:

– Когда ты вот так говоришь...

– И у тебя есть договор, верно?

– Нет, – нахмурилась Полли. Но тут же ее лицо смягчилось. – Да, все это заставляет меня потворствовать своему эгоизму и думать о разных глупостях. А не о миссис Мэнс.

– Ну да, вы ведь были так счастливы вместе.

– Послушай, умерла старая женщина, у которой была тяжелая жизнь, – сказала Полли, глядя в окно. – И это по-настоящему страшно.

Хакл кивнул, потом встал и подошел к окну. Он обнял Полли за талию, привлек к себе, и они долго смотрели на луну. Хакл нежно поцеловал Полли в шею.

– Я понимаю, – проговорил он. – Понимаю. Это печально.

Очень сердитый Нил приковылял к ним и встал у самых ног, на случай если о нем забыли.

– Это печально, – повторил Хакл. – И будет еще печальнее, если ее сестра сломает все то, что ты создала здесь. Но уверен, она не станет этого делать. Она поймет, какую огромную работу ты на себя взвалила, и позволит тебе продолжать. Наверняка.

Полли прислонилась головой к его плечу и стала следить за лучом маяка, блуждавшим над волнами. Она как раз ни в чем не была уверена.

Полли занялась организацией похорон, насколько это было в ее силах. Джанет явно не собиралась помогать: когда Полли попросила у нее список друзей Джиллиан, ее сестра лишь неприятно фыркнула и заявила, что Полли следовало бы знать их лучше, чем ей, и та просто стала сообщать о похоронах всем жителям поселка, приходившим в пекарню, и надеяться на лучшее. И при этом она работала не покладая рук. Наверное, миссис Мэнс это понравилось бы.

За старой церковью находилось маленькое кладбище, оно было на освященной земле, и удалось получить, хотя и не без хлопот, разрешение похоронить там Джиллиан, поскольку она родилась на этом острове и прожила здесь всю жизнь. Потрясающе, изумлялась Полли, как можно постоянно топтаться на острове размером в квадратную милю, считая поездку в Девон огромным приключением? Она спрашивала рыбаков, не помнят ли они, чтобы Джиллиан когда-нибудь брала отпуск или ездила куда-то за море, а они отвечали ей недоумевающими взглядами. Мало кто в Маунт-Полберне путешествовал во время отпуска.

Утро следующего понедельника выдалось серым и унылым, погода как раз подходила для похорон.

Вот только это было не тем прощанием, какого миссис Мэнс хотела бы для себя, с сожалением думала Полли, и не тем величественным событием, в какое год назад превратил Рубен похороны Тарни. Служба в общественном зале поселка продолжалась недолго, провела ее женщина-викарий с материка – о ней миссис Мэнс всегда отзывалась неодобрительно, – и панегирик прозвучал коротко и безлико.

С другой стороны, хорошо было то, что народу собралось много. В зале присутствовали все местные, от стариков до пискливых младенцев, – в прошлом году случился небольшой беби-бум, и этих новоявленных островитян миссис Мэнс не успела выругать за то, что они неправильно отсчитывают деньги за батские булочки.

Полли отметила, что решительно все рыбаки явились выразить уважение женщине, которая, несмотря на дурные манеры, принадлежала к их клану.

Мюриэл, подруга Полли, управлявшая минимаркетом, закрыла магазин на час и тоже пришла.

– Я никогда прежде, – шепнула она Полли, – не ходила на похороны человека, который только и делал, что кричал на меня.

– Да, она часто кричала на людей, – согласилась Полли. – Но на самом деле она была неплохой. Просто очень-очень горевала. И оттого сейчас особенно тяжело на душе.

Она спросила, не хочет ли кто-нибудь сказать несколько слов, но люди только переминались с ноги на ногу и смотрели в пол. Тут Полли по-настоящему затосковала по Тарни: он бы прекрасно со всем справился, прощание прошло бы достойно и уважительно, без суеты и нервотрепки. К несчастью, Полли, похоже, оказалась единственной, кто пожелал произнести надгробную речь. Даже Джанет отказалась говорить о собственной сестре.

Когда служба закончилась, Полли, чувствуя, как ее пробирает дрожь, встала и направилась к кафедре. Она окинула взглядом все население городка, сердито твердя себе, что это просто люди, которых она видит каждый день, люди, которых она знает... Вообще-то, от этого было еще хуже. Полли откашлялась и, разворачивая свой листок с речью, приказала рукам не трястись.

– Джиллиан Мэнс была дочерью Маунт-Полберна, – начала она, и ее голос прозвучал невероятно тихо.

Хакл, стоявший в задних рядах, чтобы его голова никому не мешала смотреть на кафедру, поднял вверх большие пальцы, и, заметив это, Полли набралась храбрости для продолжения.

– Э-э-э... Она отдала всю свою жизнь этому городу и приложила немало труда, чтобы у его жителей всегда был хлеб; она не забывала о своей семье...

Полли говорила о сотнях тысяч буханок хлеба, которые испекла за свою жизнь миссис Мэнс, и о ее любви к сыну Джимми – когда Полли упомянула о нем и о некоторых его выходках в юности (она слышала о них от рыбаков), люди заулыбались; и еще она назвала имя покойного супруга миссис Мэнс, Альфа, – его здесь любили. Она даже рискнула пошутить насчет ее задиристости, подчеркнув, что так она защищала свой город. Когда Полли сошла с кафедры, радуясь, что сумела закончить речь, ей даже немного похлопали. Но конечно, главным было то, что Хакл обнял ее и крепко сжал ей руку.

После этого должны были появиться Джейден и Флора со свежими сэндвичами, маленькими сырными колечками, волованами и миниатюрными сладкими пирожками, легчайшими, как воздух. В больших бачках, которые обычно использовались в Женском институте, доставили чай и кофе, а в последнюю минуту Энди, управлявший пабом «Красный лев» и, как известно, довольно прижимистый человек, бочком подошел к Полли и рассказал, что миссис Мэнс отнеслась к нему по-доброму, однажды поймав его за руку, когда он мальчишкой стащил горячую пасхальную булочку, и он хотел бы пожертвовать на поминки два ящика пива. Новость, конечно, взбодрила рыбаков. Пожалуй, все вышло не так мрачно, как того боялась Полли.

Родные миссис Мэнс стояли в стороне, с подозрением поглядывая на местных. Некоторые из стариков помнили Джанет – та покинула остров очень давно, когда вышла замуж. Она была крупной и выглядела флегматичной; длинное черное платье придавало ей викторианский вид; ее волосы, необычайно длинные для женщины такого возраста, были уложены на макушке.

И два ее сына тоже приехали. Полли удивилась: Джиллиан никогда о них не упоминала, ни разу. И Полли с грустью подумала, что, наверное, для нее это было слишком тяжело после потери единственного сына и потому она никогда не приглашала к себе племянников, не переносила на них свою любовь. Люди иной раз бывают такими странными...

Племянники, оба крупные, бледные, полноватые в талии, отлично одетые, в остальном были не слишком похожи между собой. Один, в прекрасно сшитом костюме, начал лысеть; у второго, казавшегося угрюмым, были длинные светлые волосы, неопрятные и явно нуждавшиеся в стрижке.

Полли представилась, надеясь услышать отзыв о своей надгробной речи. Они промолчали.

– А, ну да, – буркнула Джанет. – Привет.

Полли подумала, что она точно такая же, как сестра. Джанет и Джиллиан – две горошины из одного стручка.

– Сожалею о вашей утрате, – сказала Полли, – в особенности учитывая, что вы недавно съехались.

– Ну да, а теперь все ее барахло валяется у меня в доме, – весьма нелюбезно откликнулась Джанет. – Полагаю, недешево обойдется все убрать.

– Да, – кивнула Полли. – Конечно.

Она посмотрела на обоих племянников. Старший из них уставился в свой телефон, потом быстро вскинул глаза на Полли, словно проверяя, стоил ли она внимания, и решил, что не стоит.

– Это Джереми, – произнесла Джанет, впервые оживляясь. – А это Малкольм.

– Привет! – сказала Полли.

– Привет, – ответил Малкольм, озираясь по сторонам. – Ух, местечко так себе. А как тут насчет того, чтобы поесть?

– Уже несут, – кивнула Полли, сразу обеспокоившись и ища глазами Флору, которая должна была разносить закуски. – А вы прежде бывали в Маунт-Полберне?

– Ну да, в детстве, – бросил Малкольм. – Но если честно, смутно это помню. Тут ведь и пойти некуда, так?

– О, это... досадно, – ответила Полли.

Она пыталась поймать взгляд Флоры; предполагалось, что та будет обносить участников поминок сэндвичами, но вместо этого она бестолково торчала у двери, а люди толпились вокруг нее, сами выбирая угощение. Полли заподозрила, что рыбаки могут смести все подчистую за пару секунд. Флора держала поднос одной рукой, накренив его, а другой крутила свою прясть и, судя по всему, в упор не видела Полли. И та не в первый раз подумала, не стоит ли ее все-таки уволить.

– Глупо жить на острове, – фыркнула Джанет. – Вообще-то, я ей сто раз говорила, чтобы она переехала ко мне...

И вдруг жесткое, истрепанное временем лицо сморщилось, чашка чуть не выскользнула из руки... Полли подхватила ее и в то же мгновение поняла всю уязвимость, скрытую за злобными манерами. И коснулась руки Джанет.

– Я ей говорила, – забормотала Джанет, – после смерти Джимми... Я ей говорила... Твердила, что нет смысла прятаться на краю света. Она могла бы жить и на материке. Другой жизнью. Она ведь не была такой уж старой. Она не была слишком старой!

Полли посмотрела на сыновей Джанет, но один по-прежнему занимался телефоном, а второй, Малкольм, смотрел прямо перед собой, как будто все это его не касалось. По щекам старой леди текли слезы, и Полли обняла ее за плечи.

– Да, понимаю, – сказала она.

– Я никогда не хотела сюда возвращаться, знаете ли, – продолжила Джанет. – Никогда не хотела. Она превратила тут все в... какой-то чертов мавзолей.

Полли кивнула.

– Она была всегда такой чертовски упрямой...

Полли подала ей бумажный носовой платок.

– Мне кажется, вы были немножко похожи, а? – сказала она.

Джанет кивнула:

– Ну да, наверное.

Она сердито вытерла слезы, словно смутившись оттого, что дала волю чувствам.

– Мне кажется, – заговорила Полли, – те месяцы, что она провела с вами, были самыми счастливыми для нее.

Полли в это верила: когда они с миссис Мэнс обсуждали ведение дел, ее жизнерадостные жалобы, особенно в адрес Джанет, говорили о том, что женщина явно воспряла духом. И то, что ей уже не придется радоваться жизни, было очень грустно.

Джанет почти улыбнулась:

– А, ну, может, вы и правы.

– КОЛЕЧКИ С СЫРОМ?

Флора, кажется, ожила и врезалась в гущу людей, глядя прямо на Полли: пусть босс видит, что она старается оправдать ожидания!

– А, Флора, привет, – сказала Полли.

– Нет, спасибо, – отказалась Джанет, поджав губы и сделав надменное лицо.

Малкольм взял четыре колечка и одно за другим затолкал их в рот.

– Кто за это платит? – поинтересовался Джереми, ненадолго оторвавшись от смартфона. – Ох, связь тут – просто позор!

У Полли мелькнула мысль: позор в том, что Джереми и не подумал успокоить плачущую мать, – но она, конечно, не собиралась говорить об этом вслух.

– Да, кстати, мам... – проворчал Малкольм, ухватив еще пару сырных колечек, пока Флора не ушла, и напустил на себя деловой вид.

Сердце Полли забилось быстрее. Они должны были это обсудить. Они должны уже представлять, что собираются делать с пекарней. Ей хотелось повернуться и поискать взглядом Хакла. Она на опыте убедилась: если знать, что он где-то неподалеку, это очень помогает. Джанет тем временем стряхнула с плеча ее руку и вытерла следы слез собственным хлопковым носовым платком.

– Да, – повторила она за сыном. – Кто за это платит?

– Ну видите ли, мы просто приготовили все это в пекарне. В знак уважения.

Джанет кашлянула и заговорила весьма официально:

– Как вы понимаете, я душеприказчица своей сестры. Я весьма серьезно к этому отношусь, и мне хотелось бы строго придерживаться правил.

– Разумеется, – ответила Полли, и ее внезапно слегка затошнило. – Разумеется. Чего бы Джиллиан ни пожелала...

Малкольм оглядывался в поисках еще какой-нибудь еды. Заприметив Флору, он подозвал ее коротким взмахом руки.

– И само собой, оба моих замечательных мальчика... – продолжила Джанет, глядя на этих не слишком привлекательных представителей мужского пола с материнской гордостью, и Полли впервые заметила подобие улыбки на ее лице. – Они ведут дела семьи. Малкольм будет заниматься всеми делами Джиллиан, пока мы не найдем самый выгодный и лучший способ распорядиться ее наследством. Думаю, это будет справедливо для всех, так?

Полли не знала, что и сказать. Все было так внезапно... Практически никто никогда ей не указывал, как вести дела. Она привыкла сама принимать решения.

– Сейчас Джереми слишком занят, у него важная работа в городе... Он, знаете ли, большая шишка в Пуле!

– Прекрасно, – кивнула Полли.

– Но Малкольм намерен перебраться сюда, присматривать за имуществом. Знаете, вам не следует чересчур нежничать со служащими. И вы довольно расточительны, а? И немножко скрытничаете, наверное? В общем, мы будем за всем этим приглядывать.

Малкольм хмыкнул. Полли отступила назад и лишь тупо кивнула. Ей пришлось ухватиться за край стола.

– Так вы переезжаете в Маунт-Полберн? – спросила она, пытаясь говорить беспечно и мило.

Малкольм уставился на нее:

– Ну, я буду наезжать, да. Пока не наведу полный порядок. вы понимаете, о чем я? Больше никаких послаблений. Но я довольно занят. И мне не хочется похоронить себя заживо в этой дыре.

Последняя фраза прозвучала не слишком уместно, все же Малкольм находился на похоронах своей тети. Полли решила обойти эти слова молчанием.

– Значит, вы оставите работу, чтобы приехать, или... – спросила она.

Он важно раздулся:

– Э-э-э... нет, я сейчас как бы на перепутье. Вроде консультанта, что ли. По многим вопросам.

– Хорошо, – сказала Полли.

Но ничего хорошего она в этом не видела.

Старый колокол, до сих пор кое-как державшийся на полуразрушенной башне на вершине Маунт-Полберна, торжественно зазвонил, и рыбаки снимали шапки, выходя из здания и следуя за гробом. Катафалку было не пройти по узким извилистым улочкам, так что гроб несли двое сыновей Джанет, Арчи, Джейден, Хакл и Патрик. И снова бросалось в глаза отсутствие Тарни. Никто на этих похоронах и вспомнить не мог дня, когда все собирались вместе по случаю чьей-то смерти.

Небо хмурилось; дождя не было, но он явно собирался. У причала несколько грустных туристов, приехавших на один день, растерянно оглядывались по сторонам, не понимая, почему все вокруг закрыто. А жители городка в полном составе медленно брели по булыжным мостовым, склонив голову перед ветром, дувшим куда сильнее на этом близком к морю и далеко от большой земли клочке суши. Полли хотелось, чтобы Хакл был рядом и вел ее за руку или хотя бы лучшая подруга Керенса вернулась из нелепой поездки, которую она затеяла именно сейчас, – но ни с тем ни с другим ей не повезло. Она старалась не отходить от Мюриэл, хозяйки местного магазина.

– ...Это просто ужасно, – говорила та, а ее маленькая дочка Марина высовывалась из рюкзака-кенгуру и беспокойно вертела головой. – Да-да, все в порядке, детка, – обратилась к ней мать и доверительно сказала Полли: – Ей бы сейчас вздремнуть где-нибудь в кладовой, она может спать лишь там, где пахнет тмином и анисом.

– А есть ли что-нибудь, чего у тебя нет в запасе? – спросила Полли. – Кроме хлеба, разумеется.

– Конечно, ведь это высвобождает много места, – заметила Мюриэл.

Старое кладбище выглядело красиво на свой лад. Могилы здесь были очень старыми и заросшими, древние надгробия покосились, почти все надписи были стерты временем, ветром и морем. Несколько фамилий повторялись снова и снова: Перранмор, Тарнфорт, Киррин... И в основном тут лежали женщины и дети. Мужчины Маунт-Полберна погибали в море, и оно хранило их кости и их истории.

Свежевырытая могила мрачно чернела в тени полуразвалившейся церкви. Здесь уже негде было хоронить; могила казалась чужеродной и странной, словно древним скелетам пришлось потесниться, чтобы освободить для нее место.

– Прах к праху, – тихо сказала женщина-викарий, когда мужчины с помощью приезжего гробовщика неловко опускали гроб в землю.

«Джиллиан всегда была довольно крупной», – подумала Полли.

– И душа вернется к Господу, даровавшему ее. – Викарий перекрестила могилу.

При этих словах Полли вышла вперед с пакетом, который специально захватила с собой, и каждый взял из него по горсти муки и высыпал ее на гроб. Миссис Мэнс начала то долгое странствие, откуда не возвращаются, а провожающие всем сердцем надеялись, что муж и сын уже ждут ее и приветствуют в конце дороги.

Глава 5

Полли выжидательно посматривала на улицу, делая вид, что ее там решительно ничего не интересует, хотя и понимала, что ее притворство не имеет значения: окна располагались до смешного высоко, никто не мог бы в них заглянуть. Она переделалась, выбрав милую блузку в цветочек. Полли уже слегка отвыкла наряжаться, и она просто не представляла, что лучше надеть для встречи с членом семьи Хакла. Конечно, она разговаривала по телефону с его родителями, но ведь это совсем другое!

Полли знала, что Дюбоз моложе Хакла и что они ладят друг с другом, однако Дюбоз долго не задерживался ни на одной работе и ни к чему не привязывался, в отличие от старшего брата, а теперь, между путешествиями, трудился на ферме. Вместе с тем она представляла его себе веселым человеком... Полли сама себе не верила, когда думала о том, до какой степени хочет понравиться Дюбозу. Ее сестра и мать влюбились в Хакла в первые же десять секунд. Полли надеялась, что это было взаимно.

– И не вздумай тут накатать! – строго сказала она Нилу.

Нил был недоволен тем, что Хакл не взял его с собой на автобусную станцию. Полли постаралась ободрить тупика, притащив домой его любимейшую вещь – коробку, полную обрывков упаковочной пленки. Когда Полли отворачивалась от Нила или выходила из комнаты, сразу раздавались характерные звуки – тот запрыгивал в коробку и начинал топтаться в ней, раскидывая обрывки маленькими перепончатыми лапками. Как только хозяйка возвращалась или смотрела в его сторону, Нил тут же вспархивал из коробки и подлетал к окну.

На небе проступили розовые краски. Полли заметила, что дамба начала постепенно показываться из воды, и вскоре после этого раздался рев мотоцикла, несущегося по мощеным улицам. Это, пожалуй, был самый громкий звук на острове, однако он обещал скорую встречу, и Полли всегда прислушивалась к нему с улыбкой. Но сейчас ей было не до улыбок. Она нервно коснулась губ помадой, которой обычно не пользовалась, и спустилась по лестнице.

Высокий стройный парень вылез из коляски и снял запасной шлем, встряхивая светлыми волосами, такими же, как у старшего брата. Лицо у Дюбоза было уже, чем у Хакла, с острым подбородком, а светло-голубые глаза искрились смехом.

– Вау! – воскликнул он, окидывая взглядом маяк. – НЕВОЗМОЖНО! Вы живете здесь?

– Возможно, – сказал Хакл, забирая из коляски грязный чемодан. Он обошел мотоцикл и остановился рядом с Полли. – А это...

– Вау! Ну да! Холли! – воскликнул Дюбоз, бросаясь к ней и решительно целуя в обе щеки.

– Полли, – поправила его она.

– Так даже лучше, – ответил Дюбоз, подмигивая ей. – На самом деле я именно это и сказал, просто из-за моего экзотического акцента меня трудно понять.

Полли невольно улыбнулась, а Хакл выразительно закатил глаза.

– Входи, – предложила она.

Дюбоз позволил Хаклу нести его чемодан.

– А где Нил? – спросил Хакл, когда они начали бесконечный подъем по винтовой лестнице.

Дюбоз тем временем сыпал восторженными восклицаниями.

– Он в дурном настроении, потому что ты не взял его с собой.

– Он же не любит автобусы, – возразил Хакл.

– Это вы о вашей птичке, да? Круто! – восхитился Дюбоз.

Они вошли в гостиную на вершине башни. Накануне Полли потратила немало времени, чтобы придать комнате привлекательный вид. Однако тупик успел всюду раскидать упаковки арахиса и к тому же основательно нагадил в коробку.

– Нил! – рассерженно вскрикнула Полли.
Дюбоз расхохотался.

Во время ужина Дюбоз потчевал их историями о своих путешествиях, и большинство из них заканчивалось тем, что он оказывался в какой-нибудь важной компании или за кулисами во время рок-концерта. Еще были рассказы о том, как он выкручивался из ситуации, оставшись абсолютно без денег, или нырял в мусорный бак вверх ногами. Он не прочь был посмеяться над собой.

– А все эти девушки! – вздыхал он. – О Хакл, тебе бы увидеть тех блондинок в Рейкьявике!

Хакл слегка натянуто улыбнулся и спросил:

– А Клемми по тебе не скучает? И разве сейчас не время отёла?

– Она потрясающая! – закивал Дюбоз. – И знает, что мне иной раз необходимо вырваться на свободу, погнаться за мечтой, понимаешь?

– А что, все твои мечты заканчиваются сном в мусорном контейнере?

Дюбоз отвернулся.

– Полли, этот пирог – просто сенсация! Думаю, ты можешь оказаться гением. Ты гений?

– Нет, – с улыбкой ответила Полли, с любопытством наблюдавшая за братьями.

Ей показалось странным, что Хакл вроде как раздражен; с ним такое случалось крайне редко.

– Она гений, Хакл! Ты должен купить ей пекарню.

Последовало неловкое молчание. Но уже через секунду Хакл начал собирать тарелки.

Дюбоз посмотрел на свои часы:

– Ну и куда мы теперь пойдем?

Было 21:30.

– Ну... – замялась Полли. – Вообще-то, обычно мы в это время идем... спать.

Дюбоз казался ошеломленным.

– Ты серьезно? Но сейчас вечер пятницы!

– Знаю, – кивнула Полли. – Просто в воскресенье мы ждем гостей. Надеюсь, они тебе понравятся.

– Да это же просто чушь собачья! – кричал Дюбоз, пошатываясь на верхней галерейке.

Они еще не совсем пришли в себя после пирога с крольчатинной, приготовленного Полли для воскресного ланча. Пирог был поистине сенсационным, хотя теперь они с трудом могли о нем вспомнить, потому что Хакл принес пару литров медовухи, которая обещала восстановление нервных окончаний ниже пояса, а заодно гарантировала, что завтра некто будет бродить за вами по комнате, колотя по вашей голове острым обломком кирпича.

Но сегодня, мечтательно размышляла Полли, это не имело значения.

Над гостиной в маяке располагался прожектор. Он работал автоматически, но время от времени, в соответствии с запутанным актом владения, по лестнице поднимался человек, чтобы протереть стекло и все проверить. вокруг прожектора для этих целей была построена металлическая галерейка, куда вела узкая лесенка. Когда Полли покупала маяк, ей и Хаклу много раз напомнили, и в весьма выразительных терминах, что эта галерейка им не принадлежит, что она очень опасна и ею может пользоваться лишь квалифицированный специалист, со страховкой, в особом жилете и шлеме.

Поэтому, естественно, каждый солнечный день они поднимались туда с огромными подушками и растягивались на маленькой площадке. Там было прекрасно, если не смотреть вниз между металлическими прутьями ограждения, и не стоило туда лезть при сильном ветре. но в хорошие дни наверху было просто изумительно: вы как будто плыли сквозь облака. Так

что сейчас Полли и ее подруга Керенса расположились в укрытом от солнца местечке, на карнизе в верхней части лесенки, спускавшейся к основному корпусу маяка, Рубен бесстрашно разлегся, загорая, на металлической галерейке, а Хакл уселся прямо на ограждение, спиной к стене маяка, свесив длинные ноги и глядя на море. Дюбоз устроился рядом, а Нил топтался на галерее, надеясь получить свою порцию крошек. Его коготки звонко постукивали по металлу, когда он наворачивал круг за кругом, и Полли даже подумала, что у него может закружиться голова. Каждый раз, приблизившись к Рубену, Нил вспрыгивал на его ноги и ковылял прямо по нему.

Тем временем Дюбоз с Рубеном начали нелепую перебранку на тему зерновых субсидий: первый спорщик раздумялся, второй же откровенно наслаждался.

– Накадай на него! – прошипела Керенса. – Давай, Нил! Я серьезно! Меня мутит от этого спора!

– Никаких «накадай»! – важно заявила Полли как раз в тот момент, когда птичий помет действительно полетел сквозь металлические прутья на камни, где детвора с рыболовными сетями копошилась в поисках мелкой рыбешки и моллюсков.

Все пятеро на вершине маяка тут же посмотрели вниз, затаив дыхание, а потом испустили общий вздох облегчения, когда «снаряд» упал в ближайшую лужицу среди камней.

– Все, чего мне хочется, так это чтобы мой тупик научился пользоваться человеческим туалетом, – сказала Полли. – Неужели я многого хочу?

– А другая причина для зерновых субсидий – то, что...

– И все равно, – произнес Рубен, не обращая внимания на Дюбоза и поворачиваясь к Полли. – Почему ты не позволяешь мне купить для тебя пекарню?

Полли вздохнула.

Рубена невозможно было остановить, если он переходил к интересующей его теме. Старый друг Хакла, он заработал уйму денег, продавая что-то через Интернет в Сан-Франциско, и часто пытался объяснить, как устроен его бизнес, но ему ни разу не удалось втолковать это Полли. В любом случае теперь он владел частным пляжем для серфинга и потрясающим домом в стиле модерн в Северном Корнуолле.

Керенса же была подругой Полли из Плимута. Поначалу она полагала, что решение Полли перебраться на приливный островок – глупейшая идея из всех, какие только ей приходилось слышать. Потом она стала приезжать в гости. Керенса терпеть не могла шумного друга Хакла, Рубена, пока однажды ночью не встретила с ним наедине... С тех пор они стали неразлучны, а теперь уже были женаты.

– Я серьезно! Эта женщина, похоже, еще хуже, чем миссис Мэнс. А этот ее Малкольм... он чем занимается?

– Ну... вроде консультант... – ответила Полли.

– Что, по зерновым субсидиям? – спросил Дюбоз. Во время спора он вскочил на ноги и сейчас начал испытывать неловкость.

– Консультант в какой области? В больничном деле? Или по банкротствам? По жареной картошке?

– Не знаю.

– Он выглядит пустышкой, – заявил Рубен. – Позволь мне откупиться от него. Я ему скажу, что я главный консультант по пекарням – кстати, я вполне мог бы им быть, – а потом куплю обе пекарни, и дело сделано!

– Ничего не сделано, – ядовито возразила Полли. – Я не хочу, чтобы ты выкупал меня из неприятностей.

– А почему нет? – удивился Рубен. – Выкупать людей из неприятностей – это одно из тех дел, в которых я изумительно хорош!

– Он всегда такой? – проворчал Дюбоз.

– Тебе бы лучше сесть, Дюбоз, – посоветовал ему Хакл. – Мы довольно высоко.

– Ты был бы боссом похуже этого Малкольма, – буркнула Полли. – В любом случае – нет. Не надо. Мы друзья. Мы только поссоримся из-за этого. Пожалуйста.

– Но я постоянно всех покупаю, – удивился Рубен.

Полли не смогла бы ему объяснить, не сумела бы заставить его понять – впрочем, он считал бы ее объяснения нелепыми, – как оскорбительно для нее это предложение. Отчасти потому, что она считала: из друзей получаются плохие партнеры. Конечно, Рубен напрочь забыл бы о пекарнях, едва купив их, но что же в этом хорошего? Подобное отношение доказывало бы, что он не придает большого значения ее работе. Была и другая причина, хотя Рубен считал бы ее забавной: Полли полагала, что похожа на него. Она была предпринимателем, она работала на себя; она надеялась однажды подняться выше, стать владелицей предприятия, а не просто менеджером.

Вот уж за что следовало благодарить миссис Мэнс, так это за то, что она оставляла Полли в покое – кроме тех случаев, когда начинала жаловаться, – и позволяла вести дело по-своему. Полная свобода действий была по душе Полли, она чувствовала в себе деловую жилку. Ей нравилось принимать решения и видеть результат. Она не хотела, чтобы Рубен болтался рядом со своими друзьями и критиковал ее действия, не желала, чтобы ей протягивали руку помощи, которой она не заслуживала. Ей хотелось все делать самой.

– Ну, только не меня, – сказала она.

– И не меня тоже, – заявила Керенса, подливая себе медовухи.

– Если не считать того браслета, который оказался таким тяжелым, что у тебя заболело запястье, – напомнила ей Полли.

– О да! – ухмыльнулась Керенса. – Я и забыла об этом.

Полли улыбнулась ей:

– Как тебе возвращение на работу?

– Бог ты мой, да там одна чепуха происходит! – нахмурилась Керенса. – Вот честно, мне бы понравилось, если бы мои сотрудники вели себя по-лакейски. Например, все, с кем работает Рубен, похожи на перепуганных слуг.

– Может, тебе следует быть строже?

– Да куда уж больше-то!

– А ты не работай! – сказал Рубен. – Когда ты так занята, мне в любом случае достается меньше секса.

– Ну да, всего два раза в день, – прошептала Полли, а Керенса хихикнула и покраснела.

Она настояла на том, чтобы вернуться на работу после медового месяца, который растянулся на несколько. Молодожены объездили земной шар, останавливаясь в модных отелях, питаясь в лучших ресторанах и, как отметила Керенса, безудержно толстая.

– Самое паршивое, – сказала она, – что в этих культовых местах рядом с тобой находятся другие женщины, и они все до одной ТАКИЕ ХУДЫЕ! У них всегда, постоянно есть исключительная возможность выбирать лучшую еду, какая только существует в мире, и это изумительно, просто прекрасно, – а они практически не едят НИЧЕГО! Они только гуляют и болтаются в спа! – Керенса сдвинула брови. – До того как мы поженились, я думала, что мне здорово удастся сохранять стройность и не переедать. Но черт побери, они же переводят это на совершенно новый уровень!

– Ты выглядишь фантастически! – заявила Полли преданно, но честно.

В былые времена у сухопарой подтянутой Керенсы был довольно суровый вид. Теперь ее фигура слегка округлилась, черты лица смягчились, она казалась намного моложе своего возраста, и ей это очень шло.

– И все эти попрыгуны Барби только и говорят, что о цвете загара, – содрогнулся Рубен. – Черт! Да ты лучше их всех, Кей, потому что я всегда выбираю лучшее из лучшего. Всегда. Потому и выбрал тебя...

Он уже готов был снова начать долгую речь. Полли растянулась на солнышке и улыбнулась, видя, как счастлива ее подруга.

– И все равно мне необходимо было вернуться на работу, – прошептала Керенса. – Я ужасно себя чувствовала, когда просто бездельничала и тратила деньги. Признаться, такое ничегонеделание забавляет тебя каких-нибудь пять минут. А потом от этого начинает мутить.

– Согласна, – негромко произнесла Полли. – Это же очевидно. Я, например, вот-вот начну работать на Консультанта Малкольма.

– Если только не позволишь мне... – встрял Рубен.

– Нет!

– Ух ты, приятель, забавные у тебя друзья! – неодобрительно заметил Дюбоз.

– Однако Рубен сам делает свои деньги, – спокойно напомнил Хакл. – И может поступать с ними, как ему заблагорассудится.

Дюбоз нахмурился:

– Я тоже работаю.

– Да, когда не удираешь во время весенней посевной, – кивнул Хакл.

– Если тебе хочется работать на ферме, так ИДИ И РАБОТАЙ НА ФЕРМЕ! – раздраженно бросил Дюбоз. – Только и от тебя тут пользы не много: болтаешься без дела, разводишь канитель с медом и ешь пироги. По крайней мере, когда ты жил в нашем городе, мама тобой гордилась.

Полли скользнула в ванную, где Хакл готовился ко сну. Дюбоза он предоставил самому себе.

– Что между вами происходит? – спросила она.

– Ой, обычные разборки между братьями. Не нужно было позволять ему цепляться ко мне, – ответил Хакл, но выглядел он невесело.

Полли обняла его.

– Если хочешь знать, – сказала она, – на мой взгляд, он кажется немного потерянным. Как ты думаешь, у них с Клемми все в порядке?

Хакл вздохнул:

– Она *очень* терпелива. У них довольно неплохая ферма, понимаешь? Но каждый раз, когда они зарабатывают немного денег, он тут же тратит их на поиски самого себя. Я люблю его, но он никогда не умел вкалывать по-настоящему.

– Но он же работает на ферме! – возразила Полли. – А фермерство да рыбный промысел – труд потяжелее прочих занятий.

– Знаю, – кивнул Хакл. – Именно поэтому ему и нужно время от времени выпускать пар.

– И поспорить насчет зерновых субсидий?

– Он вечно хорохорится.

– Классический младший брат, – кивнула Полли. – Наверное, он обожает тебя.

Хакл нахмурился:

– Только как-то смешно это проявляет.

– Может, он о тебе то же самое говорит.

Хакл положил свою выцветшую голубую хлопковую рубашку в корзину для стирки и сменил тему:

– Что скажешь о предложении Рубена? – (Полли скривилась.) – Я понимаю, что ты чувствуешь.

– Неужели понимаешь?

– О, полностью! Он пытался и в мое дело соваться. Можешь вообразить? «Этот мед неправильный, Хакл! Я бы сделал все гораздо лучше! У меня шесть международных наград пчеловода!»

– Наверное, так и есть.

– В общем, я все-таки тревожусь. Из-за этого нового типа. И насчет денег.

– Не стоит. – Полли подошла и поцеловала его. – Что может произойти в худшем случае? Кроме того, что меня выгонят и мы все потеряем?

Они помолчали.

– Тогда мы и поползем на коленях к Рубену, – резюмировал Хакл.

Оба усмехнулись, стоя под тусклой лампочкой ванной комнаты.

– Да, очевидно, – согласилась Полли. Потом посмотрела на него. – Нет. Это *наша* жизнь, не забывай. Не Рубена, не Дюбоза. Не чья-то еще.

– Я об этом постоянно помню, – просто ответил Хакл. – Когда просыпаюсь утром и осознаю, что ты лежишь рядом со мной.

– Думаю, мне просто необходимо поцеловать тебя еще раз, – сообщила Полли.

Она проснулась еще до того, как зазвонил будильник, прислушалась к себе: в порядке ли голова после медовухи? Оказалось, все не так уж плохо...

Снаружи было еще темно. Полли слышала, как Нил бродит по гостиной наверху, занимаясь своими птичьими делами. Внизу во второй спальне, где спал Дюбоз, стояла тишина. Сначала Полли не поняла, почему у нее такое ощущение пустоты в животе, потом вспомнила – этим утром к ним собирался «заскочить» Малкольм и «заняться делом». Внезапно она сильно занервничала.

С тех пор как она начала работать в Полберне, ей пришлось научиться многим вещам, новым для нее, и она часто сомневалась в себе, но не в своем пекарском мастерстве. Это было то, что она знала; то, за что бралась в моменты волнения и стресса, – месила тесто, ставила его в печь, превращая простую муку, воду, дрожжи и соль с сахаром в разнообразные вкусные изделия.

Полли встала, двигаясь по спальне тихо, чтобы не разбудить Хакла, хотя в этом не было необходимости. Он спал как убитый.

Шторы в спальне отсутствовали: во-первых, из-за того, что заказывать и устанавливать круглые карнизы дорого, долго и трудоемко; во-вторых, сюда, на четвертый этаж, все равно никто не мог заглянуть; в-третьих, Полли нравилось, что летом ее будило солнце, ведь ей все равно нужно было вставать, а Хакл ничего не имел против. Но сегодня, когда Полли умывалась и чистила зубы, натягивала старые джинсы, надевала кеды «Конверс» и полосатую футболку, солнце еще и не намекало на свое появление. Полли накинула куртку и выскользнула за дверь.

Она легко пробежала по булыжной мостовой, вошла в «Маленькую пекарню на Бич-стрит» и первым делом включила кофемашину, смолов немного свежих кофейных зерен. Этот ритуал был невероятно важен, с него начинался рабочий день: Полли не могла проснуться по-настоящему, пока не выпивала чашечку крепкого эспresso, прислонившись к кухонным шкафам и глядя в законную темноту.

Потом она проверила большую дровяную печь. Это был подарок Рубена, и эта печь по-настоящему никогда не гасла; тягу лишь прикрывали на ночь. Когда печь разогревалась, в ней пеклись микетты, благоухающая дымком фокачча, основа для пиццы и пироги; и все это было вкуснее, чем где-либо, особенно если расположиться с едой на свежем воздухе, в идеале на солнышке, чтобы слегка приправить выпечку песчинками с пляжа. Другие печи тоже разогревались – каким бы холодным ни выдалось утро, в пекарне всегда было тепло, – и Полли трудилась над большими порциями теста, подошедшего за ночь, ловко укладывая будущий белый

или черный хлеб в жестяные формы, что выстроились перед ней, – чистые, но почерневшие от времени и частого применения. Пatina на них, по твердому убеждению Полли, лишь улучшала вкус вместе с мелкой морской солью, на использовании которой она настаивала, лучшей мукой и небольшим количеством приправ, добавляемых в хлеб с отрубями, что делало корочку хрустящей. Да, здесь буханка стоила дороже, чем в большом супермаркете на материке. С этим Полли не могла спорить. Она просто надеялась, что за разницу стоит доплачивать, поскольку ее хлеб был настолько вкуснее массовой продукции, что вы просто не могли от него отказаться. Выпеченный Полли хлеб покупали изо дня в день, значит жители городка разделяли ее убеждение.

Полли приготовила небольшую партию особого хлеба, который отправлялся в шикарный ресторан «Маунт» во время туристического сезона. Сейчас было не самое горячее время, и ресторан не работал по понедельникам, так что Полли испекла этого хлеба совсем немного. Это была фокачча с удивительно насыщенным вкусом и роскошным ароматом – в тесто добавлялись вяленые на солнце помидоры, розмарин и оливковое масло. Стоило откусить кусочек – и словно веяло летним ветерком в ленивый послеполуденный час в итальянском садике где-нибудь в патио (не то чтобы Полли сживала под кронами деревьев в итальянских патио, но ей нравилось это представлять).

Она также приготовила хлеб с изюмом и корицей на соде, он был плотным и пряным; много не съешь, однако подсушенные в тостере ломтики, смазанные маслом, могли служить прекрасным основным сопровождением к послеобеденному чаю. Полли взяла немножко из первой партии, чтобы порезать на пробу, и выложила на маленькую тарелку возле кассы. Мало кто удерживался от искушения съесть кусочек, и это помогало убедить покупателей, которых отпугивали иностранные названия или что-то более необычное, чем пицца.

К половине восьмого пекарня гудела и дышала теплом, распространяя чудесный аромат. Джейден кипел энергией, подметая и протирая, выкладывая хлеб из форм, – с этим он теперь справлялся относительно легко, не обжигаясь, не то что в первые два месяца.

Глядя на Джейдена, Полли гордилась тем, каким ловким он стал, как безупречно выкладывал рядами сдобные булочки на сияющие чистотой поддоны, как тщательно упаковывал белый хлеб, чтобы отнести его в старую пекарню, где Флора сделает из него сэндвичи. Все в этот момент работало – надо постучать по дереву! – словно хорошо смазанная машина. Полли открыла сейф и отсчитала мелочь для сдачи, думая – как и каждый день – о Хакле, хотя она никогда не сказала бы ему об этом. Наверное, он уже проснулся, потягивается в постели, и волосы на его широкой груди золотятся в утреннем свете...

Полли радостно улыбнулась самой себе, закрыла сейф и повернулась к прилавку. Она услышала гудение моторов – рыбацкие лодки возвращались домой после долгой ночи на воде – и посмотрела на часы. Без десяти восемь. Можно начинать; людям нравится, когда ты открываешься немножко раньше, и хотя день вроде бы ветреный, владельцы собак уже вышли со своими питомцами на утреннюю прогулку и бродят по камням, спустившись к молу. Собачники нередко заглядывали в пекарню за теплой булочкой, и иногда Полли, если не была слишком занята, подавала им кофе в бумажных стаканчиках. Это так приятно делать в апреле, думала она, весной по утрам светло. Темные зимние дни были трудными. Полли пыталась изменить время открытия на половину девятого, но рыбаков это слишком огорчило, так что она вернулась к прежнему расписанию.

Полли повязала свежий передник, убедилась, что ее светлые, соломенные волосы как следует заколоты на затылке, приготовилась приветливо улыбнуться, подошла к двери... И тут ее ждало страшное потрясение.

Прямо перед стеклом, глядя на нее в упор, стоял крупный мужчина с плохо подстриженными волосами, тот, что был на похоронах Джиллиан Мэнс, – Малкольм, кто же еще! По непо-

нятной причине Полли не ожидала, что он придет так рано, и хотя она проснулась в тревоге из-за предстоящей встречи, повседневная работа совершенно отвлекла ее от этих мыслей. И уж точно она не предполагала, что он вот так зловеще возникнет здесь, всматриваясь в глубину помещения.

Она было отшатнулась, но потом взяла себя в руки, снова наклеила на лицо улыбку и отперла тяжелую стеклянную дверь, которую пришлось заменить после того, как два года назад во время ночной бури сквозь старое стекло в пекарню и в ее жизнь ворвался Нил.

– Привет! – поздоровалась она со всей возможной беспечностью. – А я вас не ждала!

Малкольм демонстративно посмотрел на свои часы.

– Знаю. Боже, еще ТАК рано! Черт побери, как это люди вообще поднимаются в такое время?

Полли не хотелось говорить ему о том, что она уже три часа на работе.

– Хотите кофе?

– Да. Три куска сахара, – коротко ответил Малкольм.

Он быстро вошел в магазин. Как и в прошлый раз, его одежда напоминала неприбранную кровать: мягкая рубашка наполовину вылезла из-за пояса изрядно поношенных твидовых брюк цвета хаки. Малкольм не застегнул нижнюю пуговицу, так что над брюками виднелся его пухлый, мягкий живот.

– Вы женаты? – вежливо поинтересовалась Полли.

Малкольм фыркнул.

– Уж я-то не попадусь на крючок, ничего не выйдет, – саркастическим тоном произнес он. – Ха, меня не поймать. Никаких шансов.

В магазин с топотом вошли рыбаки, выглядевшие до смерти усталыми.

– С добрым утром! – приветствовал их Джейден. Это был кульминационный момент его дня. – Холодно там? Могу поспорить, просто мороз! Трудно приходится, да? Много поймали или они слишком шустрые для вас, эти рыбы? Да, не хотелось бы мне оказаться на вашем месте.

– Заткнись, Джейден! – рявкнули рыбаки, как делали каждое утро.

А Полли тут же снова включила кофеварку.

– У вас есть лицензия на продажу кофе? – проворчал Малкольм.

– Мм... ну... – промычала Полли, тут же пожалев, что не подготовилась как следует. – Не совсем, но миссис Мэнс...

– Что терпела и чего не терпела миссис Мэнс, – повысив противный гнусавый голос, заявил «ревизор», – и какие бы выгоды вы не имели от ее доброты, не важно, ее теперь нет. Так что здесь все изменится, ясно?

Рыбаки усталились на Малкольма, который по сравнению с ними выглядел карикатурным неженкой и белоручкой. Арчи обеспокоенно посмотрел на Полли, но она отвернулась.

Джейден укладывал выпечку в пакет и, похоже, не заметил неловкости, возникшей в маленьком магазине, за что Полли была ему благодарна. Она сейчас немножко тревожилась из-за того, что у нее могут слегка задрожать руки, когда она будет брать деньги.

Парни ушли, а заодно с ними и Патрик со своим старым псом Пенom – тот по-прежнему каждый день добросовестно трусил по камням вокруг маяка, хотя у него болели артритные лапы. Полли всегда оставляла для него непроданные булочки. Обычно она не позволяла животным заходить в магазин, но Пен был особенным. Малкольм с равнодушным видом стоял, прислонившись к стеклянной витрине, сложив руки на груди и наблюдая за Полли. Глаза у него были очень светлыми, почти бесцветными, а кожа рыхлой. Он явно проводил слишком много времени в помещении.

– Что бы вы хотели осмотреть в первую очередь? – осторожно спросила Полли.

Малкольм взял одну из самых больших буханок. Она не была нарезана – некоторые предпочитали брать хлеб целиком. Большой нож для нарезки в глубине помещения обычно грохотал рано по утрам, а потом им пользовались лишь по просьбе отдельных покупателей. Полли наблюдала за Малкольмом, гадая, что он собирается делать. К ее изумлению, он просто поднял мягкую на вид лапшу и отломил от буханки большой кусок, а потом сунул в рот, прежде чем Полли успела предложить ему масло или что-нибудь еще. Он жевал медленно и сосредоточенно, крошки сыпались на рубашку, и без того неопрятную. Джейден занялся мытьем жестяных форм, а Полли просто ждала.

Потом она заставила себя снова улыбнуться:

– Неплохо?

Малкольм пожал плечами, его рот был набит.

– Мм... ну да...

Он положил буханку на прилавок, рассыпая вокруг крошки, но сперва отломил еще кусок и затолкал в жующий рот.

– Что там, сзади? – проворчал он и показал на печи в глубине пекарни.

Полли впустила его туда.

– Вот здесь и творятся наши чудеса, – сказала она, все еще пытаясь говорить легко и беззаботно.

Малкольм достал из кармана блокнот и авторучку и начал делать краткие заметки. Он осмотрел муку, которую использовала Полли, – помола «00», особо тонкого, не забыл о соли. Заглянул и в холодильник, где Полли выращивала закваску; проверил молоко и множество коробок и пакетов с разной продукцией – в основном местной; там были травы и фрукты, орехи и мед, и вообще все, что Полли использовала, чтобы придать хлебу аромат и разнообразие.

– Что это за ерунда такая? – спросил Малкольм. – У вас тут не какой-нибудь ресторан.

– Да, но мы печем разные сорта хлеба, – осторожно пояснила Полли. – Со всякими приправами. А еще и пироги иногда, и лепешки, ну и тому подобное. Разнообразные пряные виды выпечки и немного сладкого... Ингредиентов нужно немало. Правда, большинство сластей готовит Флора в другой пекарне.

И действительно, рожки с кремом, сделанные Флорой, были одним из ее главных козырей против потери работы. У нее была необычайно легкая рука в обращении с кондитерскими изделиями, а также аккуратность и точность, чему Полли весьма завидовала.

– Ну, как деловому человеку, – начал Малкольм, хотя не предъявил никаких тому доказательств; однако Полли была не в том положении, чтобы сомневаться в его заявлении, – мне все это кажется полной неразберихой и чем-то невероятно неэффективным и неэкономным.

Полли попыталась придать своему голосу спокойствие:

– Но вроде бы покупатели довольны.

Малкольм фыркнул:

– Что, вот те безмозглые мужланы? Но я не хочу быть... Я не хочу, чтобы моей маме морочили голову насчет истинной стоимости этих лавок.

– Я бы никогда и не поступила так, – возразила Полли.

– Ну да, да... – Он взял баночку с французской морской солью. – Вот это что такое? Соль?

– А... да. В большинстве сортов хлеба соли немного, но есть рогалики, они чуть более соленые, и...

– Это самая дешевая, какую вы можете купить? Она даже не смолота.

– Знаю, – робко ответила Полли. – Но это лучшее, что можно найти. Она придает полноту вкуса и изысканность... И она не слишком соленая.

– Не слишком соленая? – презрительно ухмыльнулся Малкольм. – Вы покупаете дорогую соль, которая не слишком солоная? – Он что-то записал в своем блокноте. – И вот эта мука. Почему вы покупаете итальянскую муку?

– Она лучшая, – снова пояснила Полли, нервничая все сильнее.

Джейден был в магазине, он болтал с утренними покупателями и смешил пожилых леди. А Полли только теперь осознала, какой была самоуверенной, когда предполагала, будто Малкольм заглянет к ним, угостится кофе с булочкой, скажет: «Ух ты, просто фантастика, продолжайте работать!» – и на том все закончится.

– Да, но покупатели вряд ли это замечают, так?

– Думаю, замечают.

– Нет, – заявил Малкольм. – Мне так не кажется. Если я голоден, я просто покупаю какую-нибудь выпечку в придорожном кафе. Мне все равно, из какой она муки и есть ли в ней суперсоль, которую волшебным образом добывают из какой-то не слишком соленой земли. Я просто хочу что-нибудь съесть.

Полли уставилась в пол.

– Я разберусь во всех счетах, – сообщил Малкольм, явно воображая, что говорит непрекаемым тоном. – Я намерен прочесать их вдоль и поперек. Это местечко едва наскребает денег, чтобы выжить, и я хочу знать почему.

– Потому что у нас недорогое предприятие, мы зависим от сезонов, а цены одни и те же в любое время года.

Полли могла бы все объяснить, если бы Малкольм был похож на человека, готового слушать. Но увы. «Невозможно держать пекарню просто ради денег... ну разве что у тебя есть кондитерская в Лондоне, торгующая первосортными капкейками, или что-то в этом роде, – подумала она. – Напротив, ты этим занимаешься просто потому, что любишь свое дело, потому, что это хороший, надежный способ честно зарабатывать на жизнь, что бы там ни имел в виду этот тип. Но это точно не сделает тебя богачом».

– И еще я снова намерен сдавать квартиру наверху. – Малкольм хмыкнул. – Глупо, когда свободная недвижимость простаивает. Так что по утрам вам придется вести себя потише.

– Это невозможно, – ответила Полли. – Мы же начинаем работать очень рано. Вам придется поискать арендатора, который не будет возражать.

– Посмотрим, – буркнул Малкольм.

– Вы потеряете деньги, если заставите нас открываться позже, – пояснила Полли, и это, похоже, слегка остудило Малкольма. – И много денег. Большинство людей утром первым делом хотят купить хлеба.

Из магазина донесся новый взрыв женского смеха.

– Он что, весь день просто торчит там и болтает? – поинтересовался Малкольм, кивая в сторону Джейдена.

– Нет, – возразила Полли. – Он очень много работает, а то, что его любят покупатели, делу только на пользу.

Малкольм и Полли мгновение-другое смотрели друг на друга. Полли понимала, что ее изучают, и ей это было противно, абсолютно противно все: и почти не скрываемое критиканство в словах Малкольма, и его предположение, что она слишком, едва ли не преступно расточительна. Все шло куда хуже, чем она воображала.

– Ладно, как я и сказал, необходимы некоторые перемены, – процедил Малкольм. – Я изучу бухгалтерские книги и дам вам знать.

– Хорошо, – кивнула Полли, испытывая облегчение, оттого что он наконец решил уйти. – Не хотите ли взять что-нибудь на обед? И мы можем заглянуть во вторую пекарню, если хотите.

Малкольм покачал головой.

– Я увидел достаточно, – произнес он, явно наслаждаясь своей суровостью.

Он не спеша вернулся в магазин и направился к двери. Полли проводила его взглядом, и ее сердце упало.

Только не теперь, подумала она. Только не теперь...

Нил стоял за дверью, подпрыгивая на месте – он знал, что это привлекает внимание людей, – и ждал, когда его кто-нибудь впустит. Полли мысленно застонала. Неужели Хакл не мог запереть птицу дома хотя бы на этот раз? Ну конечно не мог, и она тоже не смогла бы. Во-первых, это было жестоко, во-вторых, Нил в знак мести обязательно накакал бы в ее туфли. И все же хотя бы один раз... Миллионы тупиков в мире живут стаями, сердито подумала Полли, а ей достался этот, самодостаточный.

Старая миссис Хакетт не спеша шла вдоль набережной, таща за собой сумку на колесиках. Она приходила каждый день примерно в одно и то же время, чтобы купить половину буханки ржаного хлеба, – она жила одна и любила ужинать банкой овощного супа с тостом, так что каждое утро Полли продавала ей половинку хлеба за полцены, а остальное выбрасывала. Она не сомневалась, что Малкольм ни за что не одобрил бы такую стратегию.

Малкольм был уже на полпути к двери, стараясь выглядеть достойно, но явно проигрывал битву с самим собой. Он обернулся.

– Вообще-то, – сказал он, – я возьму два... то есть четыре пончика. И вон ту маленькую буханку с кусочками чего-то там внутри. И ломоть этого, с сыром. То есть два ломтя. Мне просто нужно... проверить качество.

Джейден ловко, не говоря ни слова, уложил все в бумажные пакеты.

– И две булочки.

Полли стало нехорошо. «Маленькая пекарня на Бич-стрит» обычно зарабатывала примерно одинаковое количество денег, потому что оставалась открытой, пока не будет продано все, а потом они закрывались. Если покупателю хотелось чего-то особенного, он должен был прийти пораньше. Но если Малкольм просто все унесет, они потеряют немало денег. И Полли ничуть не сомневалась, что Малкольм обязательно найдет что сказать, если прибыль окажется заметно ниже, и совершенно не свяжет это с тем, что сам же и ушел с карманами, набитыми пончиками.

Миссис Хакетт уже добралась до двери.

– Привет, Нил, прелесть моя, – услышала Полли ее голос сквозь толстое стекло.

Полли всегда сама открывала дверь миссис Хакетт. У той руки были скрючены от артрита и далеко не так сильны, как в былые годы. Эту милую пожилую леди знали все в городке – она преподавала в школе до ее закрытия.

Малкольм тем временем пытался удержать разом все пакеты, которые выдал ему Джейден.

Вздыхнув и предостерегающе посмотрев на Нила, Полли распахнула дверь и сказала:

– Здравствуйте, миссис Хакетт.

Она старалась действовать расторопно, но тут уж спеша не спеши, быстрее не выйдет... К тому же миссис Хакетт волокла за собой сумку, и на ней была шляпа с такими огромными полями, что старая леди могла бы застрять в дверях, не открой их Полли пошире.

Нил громко, весело пискнул и запрыгнул в магазин, где его приветствовал целый хор голосов. Малкольм уставился на птицу с явным неодобрением.

– Что она тут делает? – воскликнул он. – Сюда уже заявлялась собака, а собак не разрешается приводить в продуктовые магазины, и мне казалось, вы должны об этом знать, Полина.

– Я знаю, – подтвердила Полли. Ей не хотелось указывать ему, что он неправильно произнес ее имя. – Но это был просто Пен. Он такой старый, что слишком безжалостно оставлять его снаружи.

– Но ПТИЦЫ! Вы не можете позволять птицам летать в магазине! Что потом? Стадо тюленей сюда явится? Это отвратительно! Эй! Кыш! Кыш!

Послышался громкий судорожный вздох одной из старых леди. Никто никогда не обращался так с Нилом. Полли чувствовала себя ужасно, однако молчала. Да, это было почти предательством, но может быть, Нил сам ускачет прочь из булочной? Иначе магазин закроют под

предлогом охраны здоровья и обеспечения безопасности и тем самым лишат ее, Полли, средств к существованию...

Нил внимательно посмотрел на незнакомца черными глазками, потом – если бы он не был птицей, Полли поклялась бы, что он сделал это намеренно, – взлетел на плечо хозяйки и наклонил головку, чтобы ткнуться клювом в ее ухо.

– Убирайся, Нил! – пробормотала Полли, но безрезультатно.

Нил весело попискивал. Одна из старых леди тут же дала ему кусочек своей булочки, и он радостно склевал его, рассыпав крошки по полу.

Малкольм побагровел.

– Так это *ваша* птица? – спросил он. – Но вы не можете держать здесь *птицу*! Вы не можете... не можете...

– Но он же не приходит на работу вместе со мной, – пробормотала Полли.

Малкольм высказался однозначно: Нила не должно быть в пекарне, – но ведь никто никогда вроде бы не возражал...

– Я думаю, он просто... мимо пролетал.

Малкольм выпрямился, качая головой, словно за всю свою жизнь не видел ничего более отвратительного.

– Думаю, вам придется *решить*, чем вы хотите управлять – продуктовым предприятием или птичьим базаром, – заявил он. – И решить побыстрее.

С трудом удерживая пакеты, он с разгневанным видом вышел из магазина.

– Он мило выглядит, – рискнула заметить одна из старых леди.

– Мейбл, он ужасен! – возразила миссис Хоскинс.

– Правда? Ох, я надела не те очки... – Мейбл повертела очки в руке. – Ну все равно приятно видеть тут кого-то нового, молодую кровь, а?

– Я бы не была в этом так уверена, – сказала Полли, сердито выставляя Нила за дверь.

Он оглянулся на нее, проверяя, не шутит ли она, а потом не спеша заковылял через дорогу, чтобы выпросить у рыбаков каких-нибудь рыбных обрезков.

– Лети, ленивая птица! – прикрикнула на него Полли.

Но оттого что она накричала на Нила, легче не стало.

– Ну ладно, – сказала Мейбл, укладывая в свою вместительную сумку сосиски в тесте. – Когда в прошлый раз у нас тут появился молодой новичок, ты его тут же прибрала к рукам. На этот раз оставь что-то и для нас, ладно?

Полли почти искренне улыбнулась.

– Вы ему понравитесь, – сказала она.

Полли на этот раз не пошла домой для недолгого отдыха после утренней суеты: она слишком нервничала из-за визита Малкольма.

Она пыталась отыскать хоть какие-то положительные моменты в этой встрече, но ничего не получалось. Ей представлялось, как Малкольм возвращается к Джанет с длинным списком прегрешений Полли и заявляет, что пекарню необходимо сейчас же закрыть. И как обычно, хорошие мысли приходили в голову слишком поздно; ведь Полли могла бы сказать Малкольму, что ее предшественница старалась на всем экономить и это привело к банкротству «Маленькой пекарни на Бич-стрит» и едва не погубило окончательно старую пекарню Полберна, потому что жители острова стали просто отправляться на материк, чтобы купить хороший хлеб вместо малосъедобной дешевки. Полли поклялась, что скажет Малкольму об этом. Обязательно. Когда увидит его в следующий раз...

Остаток дня прошел как обычно, и многие спрашивали Полли, почему она выглядит такой унылой, – а это как раз последнее, что следует говорить тому, кто уныло выглядит, и едва ли поможет исправить положение дел. Наконец Полли почувствовала, что сыта всем этим по

горло. Когда был продан последний рожок с кремом, она побрела на улицу, захватив кружку кофе.

Было все так же холодно и ветрено; солнце не грело сквозь облака, как иногда бывало; редкие прохожие встречались на набережной. В дни, похожие на этот, думала Полли, легко вспоминать Маунт-Полберн таким, каким она застала его в свой первый приезд, – с закрытыми ставнями, запертыми дверями, обшарпанными стенами. Зато теперь городок будто встряхнулся, ожил и начал расцветать.

Но и такие дни были хороши. Холодные. Ветреные. Прилив дошел до высшей точки, волны плескались у причальной стенки. Один-два храбреца шагали по главной улице, хотя вряд ли ее можно было так называть, учитывая, что она состояла всего из нескольких домов; в дальнем ее конце находились закусочная и паб, и еще тут имелись минимаркет Мюриэл, почта, магазинчик сувениров с непонятными мелочами, ветеринарная клиника / приемная врача и крошечная скобяная лавка – по сути, просто дыра в стене. И никого вокруг, кроме парочки еле различимых отсюда собачников и вечно кружащих в небе чаек; весь залив был в распоряжении Полли. Она натянула на пальцы рукава большого свитера, согревая руки кружкой кофе, на которой, конечно же, красовался тупик. Хакл завел привычку покупать ей все подряд с изображением этой птицы, так что у Полли были теперь «тупиковые» чайные полотенца, пижама, рукавицы для печи и прочие мелочи. Сначала она просила его не заваливать ее этой безвкусицей, но потом привыкла. К тому же изображения тупиков составляли компанию Нилу.

Полли посмотрела на бурную серую воду, потом снова на материк. Дамба была скрыта под водой, Маунт-Полберн отделен от суши, как некая огромная островная крепость, стоящая в одиночестве. На этот раз все соответствовало настроению Полли. Она теперь понимала, почему люди здесь так защищают свою территорию, почему они страшатся чужаков. Маунт-Полберн жил своей жизнью сотни лет, и такая жизнь вполне устраивала жителей городка. Они не нуждались в том, чтобы материковые умники являлись сюда и объясняли, как более эффективно добывать хлеб насущный. Именно в эту минуту Полли решила игнорировать тот факт, что она родилась и выросла в Плимуте.

На островной парковке стоял какой-то автомобиль. Полли всмотрелась в него: он показался ей смутно знакомым. Но чей бы он ни был, ему придется здесь стоять, пока не сойдет вода. Полли глянула на две фигуры у машины. Полный молодой человек и стройная молодая женщина. Не местные, но и не чужаки. Полли старалась не таращиться на них, когда они осторожно пробирались по набережной, склонившись против ветра, и в лицо им летели брызги. Она узнала местного агента по недвижимости Ланса. Полли слышала, что он перешел в какую-то другую контору. Ну, значит, вернулся. Но кто это с ним?

Ланс заметил ее и подошел.

– Слава богу, – сказал он. – У вас найдется для нас пара булочек? Мы умираем от голода. Дорога от Лу была просто ужасной, а потом нам пришлось нестись сломя голову, чтобы не упустить отлив. Моя машина уже так просолилась, что заржавела.

Полли улыбнулась:

– Рада снова вас видеть, Ланс.

Ланс бросил взгляд на свои ботинки, хотя, должно быть, ему мешал объемистый живот.

– Ну да, конечно. После того, как я потерял кучу денег на этом проклятом маяке.

Полли не сумела скрыть усмешку. Какое-то время существовал план строительства моста между Маунт-Полберном и материком, и Ланс, естественно, ожидал, что заработает целое состояние на продаже островной недвижимости, и в особенности рассчитывал на маяк. Но в итоге муниципальный совет прислушался к островитянам и проголосовал против возведения моста, после чего Полли заполучила маяк практически за бесценок. Ланс этого не забыл.

– Они отослали меня на север! В чертов Дербишир!

– Я слышала, там прекрасные места.

– Ну да, послушайте, что я вам скажу: там постоянно идет чертов снег!

Полли опять улыбнулась:

– Но вы снова здесь.

– Да, никто больше не захотел... то есть я имею в виду...

Женщина, с которой он приехал, стояла, глядя в сторону, на море, но теперь повернулась, и Полли тут же ее узнала. У нее перехватило дыхание.

– Селина...

Глава 6

- *Так вы решили вернуться?*
- *Ну, похоже, я не могу двигаться вперед.*
- *И что вы надеетесь найти здесь?*
- *Я надеюсь понять это.*
- *А что, если вы не сможете понять?*
- Селина снова и снова вертела на пальце свое обручальное кольцо.*
- *Я не знаю.*

Полли была потрясена до глубины души, увидев жену Тарни. То есть, конечно, его вдову. Она прежде всего дважды встречалась с Селиной: один раз в Полберне, другой – на похоронах. После этого их пути не пересекались. Полли слышала, что Селина уехала к родителям, и с тех пор о ней не было ни слуху ни духу; впрочем, неудивительно – ее здесь ничто не держало.

– Привет, – сказала Селина, хотя она, очевидно, не помнила Полли.

Да и с чего бы, подумала Полли. Она ведь просто одна из женщин, тайком спавших с ее мужем (хотя Полли не знала, что Тарни женат: он не носил обручального кольца), а потом они лишь мельком видели друг друга после гибели Тарни в море.

– Привет, – ответила Полли. – Я... э-э-э... у меня здесь пекарня.

– Хорошо, – без малейшего интереса кивнула Селина.

– Это лучшая пекарня на юго-западе, – уточнил Ланс. – И уж я-то знаю. Я там все пере-пробовал. – Он бодро похлопал себя по животу. – А можете вы принести нам пару кусков фруктового пирога? И буханочку хлеба с оливками? Мне он очень нравится.

– Увы, – сказала Полли, показывая на Джейдена, наводившего порядок внутри. – Мы сегодня уже все продали. И закрылись.

– Да, но разве для *меня* вы не сделаете исключение? – возразил Ланс. – Я же позволил вам увести у меня из-под носа маяк!

Полли улыбнулась:

– Это я помню. Но если у нас закончился товар – товар закончился, ничего больше нет.

Ланс пал духом. Полли подумала о маленькой буханке с оливками, которую она приберегла для Хакла на ужин.

– Ну, ничего не поделаешь, – сказала она. – А вы зачем приехали?

– Забавно, что вы спросили, – проворчал Ланс. – Селина... – Он не мог вспомнить ее фамилию.

– Тарнфорт, – подсказала Полли, не задумавшись ни на секунду, и Селина удивленно посмотрела на нее.

– Ну, это... Селина хочет снять квартиру над вашей пекарней.

Полли приготовила для всех чай – на улице совсем похолодало, какой уж там приятный уик-энд! – и подала гостям оливковый хлеб с невероятно дорогим французским соленым маслом, которое изредка удавалось приобрести для особых случаев. Бедняге Хаклу придется обойтись какой-нибудь сухой корочкой...

– Значит, вы подумываете перебраться сюда? – спросила она у Селины, стараясь говорить беспечно.

Селина по-прежнему оставалась очень хорошенькой, но похудела и выглядела утомленной, под глазами у нее залегли тени. Она кивнула.

– Мои родители считали, что мне следует начать все сначала, представляете? Ну, многие люди так поступают. Я переехала, нашла другую работу, махнула рукой на преподавание –

какая польза в том, что ты каждые десять минут начинаешь плакать перед классом? Ко мне, конечно, отнеслись с большим состраданием, щедро предоставили отпуск, но настал момент, когда мне просто сказали: «Ну хватит уже!»

Полли сочувственно кивала. Должно быть, это чертовски ужасно, когда с тобой случается нечто плохое, а потом все шепчутся у тебя за спиной.

– И я уже не могла выносить, что на меня в городе смотрели как на скорбящую вдову. Где бы я ни появилась, все сразу понижали голос, любезничали, говорили со мной добреньким тоном, как с недоразвитым ребенком, постоянно кивали и вообще, – она поморщилась, – доводили меня до безумия.

– Поэтому вы решили перебраться в новое место?

– Ну да, – согласилась Селина. – Уехала в Манчестер. Прекрасный город.

– Вам он понравился?

Селина бросила на Ланса взгляд, означавший, что разговор не предназначен для его ушей. Ланс был плохим агентом по недвижимости, но хорошим человеком – он понял намек и начал что-то искать в своем смартфоне.

Селина пожала плечами:

– Я не сидела дома. Общались с теми, кто чересчур молод для меня. С теми, кто ничего обо мне не знал. Просто жила. Ну, время от времени случался секс...

Ланс все так же таращился в телефон, но уши у него покраснели.

– Мм... – промычала Полли, подливая чай. – И помогло?

– Меньше, чем можно было бы подумать, – нахмурилась Селина. – И я с самого начала сомневалась на этот счет, если честно.

Полли кивнула.

Селина глубоко вздохнула:

– И я должна... мой психотерапевт тоже так думает. У меня ведь теперь есть психотерапевт. Прекрасно, да? Я всегда мечтала об этом!

– У многих людей есть психотерапевты, – мягко заметила Полли.

– У многих людей есть чесотка, – ответила Селина. – Но все равно не хочется ее иметь.

Ланс застыл.

– У вас чесотка? Но аренда...

– Это просто фигура речи!

Теперь Селина говорила резче и жестче, чем в момент их прошлой встречи, подумала Полли.

– В общем, терапевт...

Полли вдруг вспомнила семейного психотерапевта, к которому она затащила Криса в один из темных моментов перед концом их взаимоотношений. Это было чрезвычайно болезненно. Крис презрительно усмехнулся при виде дорогих машин на парковке перед кабинетом, затем – при виде элегантной приемной и хорошо одетой специалистки в модных очках. Он и на Полли огрызнулся из-за того, что та хотела понравиться терапевту и с готовностью отвечала на вопросы.

«О да, ты ее покорила», – сказал он потом таким противным тоном, что Полли просто не узнала в нем милого, застенчивого гуманитария, с которым когда-то познакомилась.

А потом она услышала себя, свой умиротворяющий тон – тон назойливой матери, говорящей с непокорным ребенком, и себя тоже не узнала.

Терапевт старалась изо всех сил, но она слишком рано заговорила о необходимости углубленного анализа, чтобы «добраться до корня проблемы». В то время Полли восприняла это как ценную идею, которая могла бы помочь (если бы, конечно, Крис на такое согласился). Но теперь ей стало ясно: терапевт отчетливо увидела, что прежних отношений между Полли и Крисом больше не существует, и хотела по возможности облегчить им расставание.

Полли было грустно думать об этом, пусть даже она утешалась тем, что у Криса давно новая подруга да и сама она счастлива, как никогда. «Но все эти годы... все эти годы, – говорила она себе, – привели тебя туда, где ты находишься сейчас. Все эти годы были необходимы. Если бы ты была счастлива прямо со дня своего рождения, разве у тебя появилось бы понятие о счастье? Разве ты смогла бы оценить, насколько хороша может быть жизнь, если бы не было всего этого дерьма?»

Но конечно, у Селины дела обстояли хуже, намного хуже. Она была идеально счастлива... ну, более или менее идеально: между ней и Тарни не все было безупречно, но теперь это не имело значения. А потом слепая стихия вырвала его из ее рук, как волна, разбивающая бутылку о скалы.

– ...Терапевт думает, что неплохо было бы вернуться домой. Восстановить связи с миром Тарни, почувствовать себя ближе к нему, вместо того чтобы глушить воспоминания сексом и алкоголем. Ну, мне кажется, я правильно ее поняла. Так уж они устроены, психологи: ты что-то предполагаешь, они просто гудят «мм», а ты уж делай какие угодно выводы.

Полли кивнула:

– Да, похоже, в этом может быть смысл. Но вам же никогда здесь не нравилось, да?

Селина передернула плечами:

– Мой муж неделями пропадал в море, работал ночами и возвращался измотанным, воняющим рыбой и без денег в кармане. Вот что делало с ним это место. А я уговаривала его все бросить, только он меня ни черта не слушал. И как раз перед его смертью мы готовы были развестись.

Боль в голосе Селины прозвучала с такой силой, что Полли инстинктивно обняла ее за плечи.

– Ох, черт побери! – воскликнула Селина. – Когда все это кончится? Когда наконец меня отпустит, когда я выйду из этого состояния? Удастся ли найти ответ, или меня ожидает очередная тупик?

– Не знаю, – честно сказала Полли. – Правда не знаю.

Полли давно уже не заглядывала в эту квартиру. Джейден время от времени по необходимости хранил там муку, а иногда в стекло стучался Нил, перепутав окна, но в остальном у Полли за последний год не было повода подниматься туда. Квартира слишком сильно напоминала ей о мучительном переезде, одиночестве в новом, незнакомом месте, о долгих холодных зимних месяцах после смерти Тарни; о днях, когда Хакл уехал в Америку, а она ждала его, не зная, чем скрасить это ожидание, скучая по нему столь отчаянно, что оставалось лишь печь хлеб, смотреть на море и гадать, не пройдет ли вот так вся оставшаяся жизнь.

– Можете показать мне ее? – спросила Селина, когда Полли сообщила, что когда-то жила в этой квартире. – А то Ланс только и делает, что врет мне про нее.

– Ничего подобного! – возразил Ланс.

Полли с трудом подавила желание отказаться. Убирая чайную посуду, она изобразила улыбку и обещала исполнить просьбу.

– Полли знает, какое это отличное...

Та бросила на Ланса предостерегающий взгляд.

– Ну, с учетом некоторых усовершенствований... – пробормотал Ланс, закашлявшись.

Полли еще более сурово уставилась на него.

– Ой да ладно, просто пойдемте туда, – сердито выпалил Ланс.

И Полли провела гостей через боковую дверь пекарни, чтобы не выходить на улицу, на яростный ветер.

Подъем по винтовой лестнице был, как всегда, головокружительным; шнур выключателя приходилось сильно дергать, чтобы лампочка загорелась; и конечно, в течение рабочего дня тут

стоял шум. Когда же пекарня закрывалась, в здании, напротив, воцарялась зловещая тишина. У Ланса имелся свой ключ от цилиндрового замка, а у Полли хранился запасной, на случай непредвиденных обстоятельств.

Зато даже в такой серый день в огромные фасадные окна, выходившие на море, лился свет, и вы словно плыли над волнами.

– Ух ты! – воскликнула Селина, когда они вошли в квартиру, и шагнула вперед. – Вот это вид!

Полли подумала о тех ночах, когда она засыпала перед этими окнами. Тут все еще стояло ее старое кресло, но ковры, картины и чудесный диван, конечно, переехали на маяк, что стоило целого дня тяжелого труда и такой ругани рыбаков, какой Полли никогда прежде не слыхивала, а уж они-то обычно не стеснялись в выражениях.

Ничем не покрытые, начисто отскобленные доски пола все так же имели небольшой уклон к передней части комнаты, что означало: не стоит ронять на пол апельсины; но черепицу на крыше в основном починили, а ванная и кухня, при всей минимальности оборудования (и оттенке авокадо, преобладавшем в ванной), были, по крайней мере, чистыми и безопасными.

Большая кровать в задней комнате тоже никуда не делась. Полли внезапно с неловкостью вспомнила один солнечный день, который она провела здесь с мужем Селины, но тут же отогнала эту картину.

– Просто настоящий хлам, а? – сказала Селина, неприязненно оглядывая кухню.

Полли слегка обиделась. Ладно, хлам, но это был *ее* хлам.

– А зимой здесь холодно?

– Наверное, пекарня согревает? – с надеждой спросил Ланс.

Селина смущенно посмотрела на него.

– Но мы ведь только что были в пекарне, а здесь-то просто мороз! – сказала она.

– Да, но мы сейчас закрыты, – пояснила Полли. – Вообще-то, тут очень тепло... ну, в пять утра.

Селина вздохнула, потом снова подошла к окну. Ее лицо стало задумчивым. Полли был знаком такой взгляд.

– Вид чудесный, – проговорила она. – И очень успокаивает.

Селина нахмурилась, глядя на маяк:

– А эта штука светит?

– Это же маяк, – ответила Полли.

– Светит прямо сюда?

– Видите ли, мне не пришло в голову задать такой вопрос, когда я сюда переезжала, – сказала Полли. – Но сейчас нетрудно купить качественные шторы блэкаут.

Селина снова посмотрела на маяк.

– И вы действительно живете там?

– Ага, – кивнула Полли.

– Одна?

– Нет... с моим другом, – ответила Полли. – и... с домашним любимцем.

Лицо Селины вытянулось.

– Вы такая везучая, – вздохнула она.

Полли не нашлась что ответить. Она и так знала, что ей повезло.

– А здесь можно держать животных? – обратилась Селина к Лансу.

– Э-э-э... нет... – Ланс полистал свои бумаги. – Не змей, во всяком случае.

– Я похожа на того, кто держит змею?

– С виду ни о ком не скажешь, что он любитель змей, – мудро заметил Ланс. – Но вы таких чокнутых везде найдете. Просто беда для агентов по недвижимости. Самая гадкая часть моей работы.

- Самая гадкая часть работы – *змеи*? – удивилась Полли.
- Да! – решительно кивнул Ланс.
- Мне бы и в голову это не пришло.
- Мне тоже, – согласилась Селина. – В любом случае у меня живет не змея. Это кот.
- Та же змея, только пушистая, – фыркнул Ланс, но потом вспомнил, что должен сдать квартиру. – Да, кошки очень милые. Мне они нравятся.
- Мой кот – настоящий красавец! – сообщила Селина.
- Приятно иметь домашнее животное, – заметила Полли, но умолкла на полуслове, сообщив, что едва не сказала «когда вы совсем одиноки».
- А у вас кто? – спросила Селина. – Может, они могли бы играть вместе?
- Я... у меня птица, – призналась Полли.
- О! Вроде канарейки?
- Вроде, – соврала Полли.
- Вообще я думаю, что держать птиц в клетке жестоко.
- О нет, эта совершенно свободна, – сказала Полли. – Но вот играть с котом...
- Ой, мой Лукас очень нежный, – сообщила Селина.
- Так вы берете квартиру? – бодро вмешался Ланс.
- Если клиент начинал завязывать знакомства, сделку можно было считать заключенной.
- Селина снова окинула взглядом квартиру и вздохнула, потом опять посмотрела на горизонт.
- Да, – сказала она. – Думаю, да.

Глава 7

– Не верится, что я это делаю.

Керенса одевалась в спальне Полли. Та старалась не бросать жадные взгляды в зеркало на очень дорогое нижнее белье Керенсы. Полли и вспомнить не могла, когда в последний раз носила полный комплект. И кстати, об этом: Хакл ведь мягко спрашивал, не может ли она оставить в своих трусиках традиционное количество дыр, то есть три?

– Разглядываешь меня? – спросила Керенса, накладывая слой за слоем серум, увлажняющий крем, праймер, тональный крем и бронзانت так же ловко, как иные красят дом. – Учти, я замужем полностью и бесповоротно!

Ее огромное обручальное кольцо отразило луч вечернего солнца.

– Да, – согласилась Полли. – Такую нелегкую тайну на самом деле трудно держать при себе все время. Но вообще-то, мне просто нравится твой шикарный бюстгальтер.

Керенса улыбнулась:

– Понимаю. Я уйму времени потратила на...

– А можно нам к этому не возвращаться?

Керенса посмотрела на Полли, сидевшую на кровати и пытавшуюся кое-как накрасить ногти.

– Как вы, ребята, можете спать на такой крошечной кровати?

Кровать Керенсы была больше королевской. Скорее, это был императорский размер. Полли думала, что для этого соединили вместе примерно четыре обычные кровати. Простыни менялись каждый день. Это ужаснуло бы Полли, не завидуй она с такой силой. Вообще в жизни Керенсы было не много того, чему она завидовала: Полли была слишком занята, чтобы путешествовать; ей с трудом представлялось, что она захочет поцеловать Рубена; к тому же ее не слишком интересовали разные сумочки, и ей не хотелось жить нигде, кроме маяка.

Но вот кровать у Керенсы была действительно очень-очень хороша.

На маяке, для сравнения, они не смогли бы поднять по лестнице полноразмерный двухспальный матрас, не говоря уж о самой кровати, да и не поставишь такую громадину у круглой стены. Они могли бы сдаться и перебраться в маленькую сырую комнату в нижней части башни, но Полли отказалась. Поэтому они спали наверху на кровати размером три четверти. Ноги Хакла торчали наружу, как в мультике «Златовласка и три медведя». Керенсу это ужасало. А Полли не понимала, как Керенса находит Рубена на всех этих акрах белого льна. Сама она каждый вечер растворялась в Хакле, сворачивалась клубочком под его рукой, их руки и ноги переплетались так, что трудно было сказать, где она, а где он, сердца бились в унисон, дыхание смешивалось. В те редкие ночи, когда Хакла не было дома, Полли вдруг обнаруживала, что стоит перед окном, снова глядя на море, и совершенно не может заснуть одна. И хотя Полли ничего не имела против того, чтобы обзавестись хорошей кроватью, она знала, что никогда не будет спать так крепко, как в те ночи в крошечном пространстве, где двое сливались в единое целое.

– Ничего, нам хватает, – с вызовом ответила она.

– Наверное, вы просто устаете, оттого что бегаєте вверх-вниз по этой нелепой лестнице...

– Ты права, – согласилась Полли. – И если бы я была богата, то наняла бы кого-нибудь, чтобы меня таскали на плечах.

Керенса усмехнулась:

– Или поставила бы лифт.

– Если поставить лифт, – напомнила ей Полли, – то здесь ничего и не останется, кроме лифта.

Керенса натянула новенькие колготки, очень дорогие, прямо из пакета. Она никогда не надевала колготки дважды. Полли с трудом могла освоиться с этим фактом.

– Ты заводишь дружбу с вдовой парня, который... Ты *уверена*, что это хорошая идея?

– Это просто вечер, – возразила Полли, посматривая на свои часы. – Просто ужин. Я помню, каково мне было, когда я только переехала сюда и никого не знала.

– Ну да, – кивнула Керенса. – Тебе пришлось выйти на улицу и прихватить первого встречного женатого рыбака.

Полли выразительно посмотрела на нее.

– Ой, ладно! – воскликнула Керенса. – Может, лучше сделать по-другому? Просто погулять, не рассиживаться за столом? Чтобы я не ляпнула чего-нибудь после третьего бокала вина.

– Нет, – возразила Полли. – Seriously, я не хочу вообще упоминать об этом. Мне будет неловко, а ее это может просто убить. Она плохо себя чувствует. И ей может стать еще хуже.

– Или, возможно, правда пойдет на пользу?

– Иногда правда помогает, – сказала Полли. – А в других случаях делает все в миллион раз хуже, в особенности когда другого человека нет рядом, чтобы выплеснуть на него эмоции. Я думала, он свободен, помнишь? Если бы он хоть раз потрудился упомянуть о ней, я бы и близко не подошла. Это его вина. Так зачем причинять ей лишнюю боль? К тому же ей нужны друзья прямо сейчас, и мне кажется, мы можем ими стать.

– Ладно, если ты удержишься от того, чтобы переспать с ее братом или чего-то в этом роде... А где Хакл?

– На конференции по пчеловодству в Девоне, представляешь? – ответила Полли. – Там собрались сотни три пасечников. Они решили обсудить сорта цветочного меда и способы сохранения ульев, а заодно напиться медовухи. Но Дюбоз придет.

– Он интересный, – заметила Керенса.

– Да, – согласилась Полли. – Но кажется не таким привлекательным, когда оставляет постельное белье прямо на лестнице и постоянно жалуется, что здесь нечем заняться.

– Но здесь *действительно* нечего делать.

– Знаешь ли, я уже от тебя такого наслушалась. И мне незачем слышать то же самое от кого-то еще.

– Ладно, – отмахнулась Керенса. – Расскажи мне об этой конференции Хакла. К примеру, они будут наряжаться?

– Ну, там будет ужин...

– Нет, я имела в виду, что они нарядятся пчелами!

– Они не станут наряжаться пчелами.

– Я разочарована.

– Ну... я могла бы купить Хаклу черно-желтый полосатый свитер.

– Не может быть! – усмехнулась Керенса. – И заставила бы надеть?

– Шутишь? Он ведь этот дом сверху донизу набил изображениями тупиков. Надо же как-то ему отомстить.

– Ха! А как тебе кажется, они там слушают старые песни группы «Полис»?

– Вроде «Не гуди рядом со мной»?⁸

– Или «Да-би-би-би, да-ба-ба-ба»!

Подруги расхохотались.

– Ладно, мы уже почти пьяны от смеха, – заявила Керенса. – Думаю, нужно выйти, пока мы еще в состоянии спуститься. Вниз идти труднее, чем вверх, если ты напилась.

– Знаю, это как у лошадей.

⁸ Искаженное название хита 1980-х «Don't Stand So Close to Me» – «Не стой так близко ко мне». Музыка и текст написаны Стингом.

– О чем ты? Что значит – как у лошадей?

– Лошади легко идут вверх, но не вниз. Если обнаружишь лошадь на маяке, то это будет действительно плохая новость.

– Не понимаю, как я до сих пор жила на свете, не зная этого?!

Керенса через голову надела платье с длинными рукавами, очень простое, но явно очень дорогое.

– Ух ты, оно как будто на тебя сшито! – весело воскликнула Полли.

– Ну... да, – согласилась Керенса. – Потому что так и есть.

– Ты серьезно?

– Серьезно. Кто-то воткнул в меня булавку на примерке, и Рубен пригрозил, что подаст на них в суд.

– До чего же странная теперь у тебя жизнь! – сказала Полли.

– Ну это не так странно, как установка ПОЖАРНОГО ШЕСТА, которая тебе грозит в ближайшем будущем.

Подруги вышли, и Дюбоз присоединился к ним. Он надел светло-серый костюм, который, как прекрасно знала Полли, принадлежал Хаклу, но она не стала об этом упоминать.

Потеплело, и ветер дул не так свирепо, как в последнее время. Компания весело начала спускаться по ступенькам среди скал; Керенса, как обычно, вышагивала в нелепейших туфлях. Нил тут же подлетел к ним, выбравшись из окруженного камнями озерца, где обычно плескался, – Хакл называл это купанием в бассейне на открытом воздухе.

Керенса наклонилась.

– Привет, пташка! – сказала она.

Нил сердито пискнул. Керенса не вызвала у него большой симпатии. Она никогда не угощала его вкусеньким, и ей не нравились отпечатки птичьих лап на ее дорогой одежде.

– Знаешь, я видела миллион тупиков сегодня. Они прилетели сюда, и знаешь, что делали? Заигрывали с подружками, ясно? Порхали, и ерошили перья, и шумели, и носились вокруг. А у тебя нет подружки? Ты подружек не заводил, нет? – Керенса выпрямилась. – Твоя птица очень странная. Тебе нужно подыскать Нилу друзей или подружку, ну что-то в этом роде.

Полли напряглась:

– Он вроде бы вполне счастлив.

Нил подскочил к ее ногам и нежно потерся о колготки. Его клюв случайно зацепился за них – и тут же одна петля спустилась. Керенса округлила глаза, но Полли просто погладила птицу, зная, что Нилу это нравится.

– Я хочу сказать... он ведь уже не птенец. Разве ему не следует летать на свободе?

– Точно, – согласился Дюбоз. – Этой птичке пора вить свое гнездо.

– Я ведь ему не мешаю, – обиженно произнесла Полли. Она всегда защищала Нила. – Если ему захочется познакомиться с пернатой леди, он может сделать это, когда ему вздумается.

– Как же он познакомится с леди, если вы лишаете его птичьего общества? – фыркнула Керенса. – Интересно, а есть сайт знакомств для тупиков, «Тиндер» своего рода? Они могли бы назвать его «Флаундер»⁹. Ха-ха-ха.

Полли вздохнула. В глубине души она иной раз задавалась вопросом: не стоило ли поступить сурово и отвезти Нила обратно в заповедник, когда он оттуда «сбежал» и вернулся к ним? Она тревожилась из-за того, что губит его природные инстинкты и это делает птицу зависимой от людей, – Нил не мог самостоятельно добывать пропитание, плохо умел летать и даже по

⁹ Flounder (англ.) – камбала. Может употребляться в значении «барахтаться, путаться».

стандартам тупиков был определенно жирноват. К тому же этот тип Малкольм решительно настроен против птиц в магазине...

– Ты сегодня спустилась из своего замка, чтобы доставить мне огорчение? – упрекнула она Керенсу.

– Конечно, – кивнула та. – А ты спустилась со своей башни, чтобы дать мне напиток? Потому что, должна заметить, я просто умираю от жажды.

– Ничья! – заявил Дюбоз.

«Красный лев» уже был полон народа, когда они вошли туда. Сезон отпусков еще не наступил, но солнечный день, неожиданно теплый для этого времени года, означал, что туристско-однодневки приехало больше, а это, в свою очередь, означало, что местные жители остались довольны прибылью, так что почти все столики на мощеном дворе были заняты.

У Энди была своя музыкальная группа – компания рыбаков с побережья у города Лу. Скрипач, аккордеонист в кепке с твердым козырьком, вокалист и ударник.

– Черт побери, да это же какие-то Мамфорды¹⁰, – мрачно проворчала Керенса.

Но Полли нравилось весенним вечером слушать традиционные матросские песни, в особенности когда рядом мягко плескались волны. Пока группа исполняла балладу «Сэр Патрик Спенс» и «Плохую компанию»¹¹, Керенса направилась к бару. Она начала кричать на бармена, еще не дойдя до стойки, пока наконец испуганный парень не вспомнил прошлый визит Керенсы и не поспешил к холодильнику, где держал ее тайный запас приличного шабли в противоположность той теплой конской моче, из которой состояла здешняя карта вин.

Полли увидела полбернских рыбаков и подошла поздороваться. С ними был и Джейден. Арчи же отсутствовал – наверное, пошел домой к своей кроткой жене и детям, чему Полли чрезвычайно обрадовалась.

– Как дела? – спросила она.

– О! – откликнулся Стэн, высокий скандинав. – Готовят новые квоты. Лодки требуют дорогого ремонта. Цены на рыбу растут, и никто больше не хочет ее покупать.

– Но в остальном все в порядке? – поинтересовалась Полли.

Рыбаки кивнули.

За соседним столом сидел ветеринар Патрик.

– Привет. Можно спросить кое о чем? – с улыбкой обратилась к нему Полли.

Патрик посмотрел на свой виски с содовой. В его взгляде читалось опасение.

– Это не из тех вопросов, когда спрашивают будто о животном такого же размера и веса, как человек, а потом оказывается, что это сам он и есть, просто ему неохота идти к доктору?

Врач жил на материке и появлялся на острове раз в неделю или около того, постоянно ворча, что приходится ездить к черту на рога, и Патрик частенько отдувался за коллегу, поскольку к нему обращались за советом. Он не винил островитян, просто очень переживал, что его консультации для кого-то обернутся серьезной проблемой, поэтому давал их весьма неохотно. В любом случае он уже не работал на полную ставку и лишь время от времени осматривал местных животных.

– Э-э-э... нет, – сказала Полли. – А что, такое часто случается?

Патрик пожал плечами:

– Ясное дело. Так что? Это ведь не насчет вашей птицы, нет?

Патрику очень нравился Нил – маленький тупик забавлял его. Тем не менее ветеринар считал, что Полли напрасно держит морскую птицу в качестве домашнего питомца.

– Думаю, у него проблемы с общением... – начала Полли.

Патрик вскинул брови:

¹⁰ Имеется в виду «Мамфорд энд Санс» (англ. «Мамфорд и сыновья») – фолк-рок-группа из Лондона.

¹¹ «The Poorest Company» – песня из репертуара Полин Скэнлон, исполнительницы ирландской музыки.

– Я, вообще-то, не птичий психолог...

– Он не дружит с птицами. Чайки – просто большие хулиганы, а другие тупики... Мне кажется, они над ним смеются.

– Ну так перестаньте надевать на него курточку.

– Да это было всего один раз, в мороз, – возразила Полли.

– И все же я думаю, что те резиновые сапожки...

– Ну да, – признала Полли.

Резиновые сапожки были ошибкой, если подумать.

Патрик протяжно вздохнул.

– Послушайте, – сказал он, – я вас предупреждал, что такое произойдет.

– Знаю, – грустно ответила Полли.

– Вы одомашнили существо, которое по своей природе не может быть домашним.

– Знаю я!

– И скорее всего, слишком поздно возвращать его в естественную среду.

– Может, мне следует одомашнить другую птицу, чтобы у него появился приятель?

Патрик пристально посмотрел на нее:

– Вы этого не сделаете!

– Нет. Нет, конечно. – Полли вздохнула. – Я просто желаю ему всего наилучшего. И хочу, чтобы другие птицы его приняли.

Патрик кивнул:

– Знаю, Полли. Но и вы должны понимать, что нужно делать.

Полли все еще пребывала в раздумье, когда подошла Керенса, наконец заставившая бармена как следует помыть бокалы, а заодно наколоть льда и дать вино подышать. Это стоило ей немалых усилий – она чуть не сорвала голос.

– Что случилось?

– Да ничего. Похоже, возвращение Нила в дикую природу – дело трудное, но не безнадежное.

– Уверена, с ним все будет в порядке. Он доволен, купается в той луже среди камней. Может, принимает свое отражение за приятеля... Ох, Полли, ты зря переживаешь...

– Ух! – внезапно воскликнул Дюбоз, ставя на стол свою бутылку с пивом. – Это еще КТО?

Полли и Керенса обернулись.

Сначала Полли не рассмотрела ее в темном дворе паба, освещенном лишь китайскими фонариками, которые, как говорили рыбаки, делали Маунт-Полберн похожим на туристический лайнер в открытом море.

А потом Полли разинула рот. В их сторону шла девушка в мягком платье из лайкры, облегавшем ее стройную фигуру. Черные волосы водопадом струились по спине; ресницы были такими длинными, что бросали тень на щеки, огромные темные глаза сверкали... Все в пабе замолкли.

– Да это... это же Флора! – изумленно пробормотала Полли.

Флора подошла к ним. Она походила на прекрасную молодую ведьму.

– Можно присесть? – спросила она. – Я опять упустила отлив.

– Можно! – воскликнул Дюбоз, вскакивая и пододвигая ей стул. – Я Дюбоз.

Флора посмотрела на него без малейшего интереса.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказала Полли.

Она просто не смогла удержаться; трансформация неряшливой особы с сальными волосами, вечно смотревшей в пол и ошибавшейся со сдачей, в эту богиню была ошеломляющей.

– Ну да, я знаю, – невыразительно буркнула Флора. – мне все время это говорят. Так скучно.

Женщины недоверчиво переглянулись.

– Так вы местная? – спросил Дюбоз. – А я из Америки!

Он произнес это весьма хвастливо. Флора угрюмо взглянула на него из-под длинных ресниц.

– А-а-а, – сказала она.

– Вы очаровательны! – заявил Дюбоз и пошел к бару, чтобы принести ей выпить.

В это время Полли краем глаза заметила, как рыбаки таращатся на Флору, разинув рот. Джейден так покраснел, что Флора испугалась, как бы он не лопнул.

– А это... такое часто с тобой случается? – спросила Полли.

Флора кивнула:

– Ну да.

– А ты не хочешь куда-нибудь поехать и стать моделью, к примеру? – поинтересовалась Керенса. – То есть я хочу сказать, что могла бы тебя познакомить кое с кем...

Флора покачала головой.

– Я хочу только выпечкой заниматься, – сказала она. – Я всегда лишь об этом мечтала. А людям хочется делать эти глупые фотографии. Вот ведь ерунда какая!

Полли усмехнулась:

– Поверить не могу, что вот так трачу свою жизнь, когда мне только и нужно было, что родиться невероятной красавицей.

– Это ерунда, – повторила Флора. – Люди просто достают постоянно.

– Ты поэтому никогда не моешь волосы? – спросила Полли.

– Ага, – подтвердила Флора. – Ну еще и забываю.

Внезапно рядом с их столом очутился Джейден. Он явно принял пару кружек и набрался храбрости.

– Привет, леди!

Усы его распушились, а круглые щеки побагровели сильнее обычного.

– Привет, Джейден.

– Привет, мисс Полли, привет, Керенса! Привет... – Тут Джейден утратил дар связной речи.

– Тебе что-то нужно? – мягко спросила Полли.

Джейден, такой невероятно милый и обаятельный со старыми леди из городка, всегда терпел полную неудачу с теми представительницами противоположного пола, которые были моложе пятидесяти. Он сразу предательски краснел – хотя он краснел и тогда, когда ему было жарко или холодно, когда он волновался или сердился, уставал или смущался... так что по цвету лица невозможно было судить о его душевном состоянии.

– Я просто... я невольно услышал...

Стол Джейдена был за три стола от них, вокруг было шумно, играла музыка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.